

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ВОИН НЕБА И ЗЕМЛИ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Воин неба и земли

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

Воин неба и земли / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2009 — (Спецназ ВДВ)

Спецназовец ВДВ Валентин Вечер получает приказ обеспечить безопасность ученого Жукова, который ведет секретные разработки. И с той минуты события стали развиваться непредвиденным образом. Соратники Валентина убиты, а ему приходится схлестнуться в жестком бою с отборной командой профессионально подготовленных спецов. Вечер понимает, что его безжалостно подставили. Но самое страшное – он не знает, откуда будет нанесен последний, сокрушительный удар...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
1	8
2	13
3	18
4	23
5	30
6	34
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Воин неба и земли

*Рвем погоны с плеча, поднимаем к виску пистолеты.
Но куда нам уйти от армейской несчастной судьбы?
Остаемся в строю, чтобы Русь отыскала ответы,
Примеряя знамена на ваши и наши гробы.*
Виктор Верстаков

Пролог

– Жуков, очнись!

В ответ лишь вялое движение головы. Криком моего нового приятеля не проймешь, он, кажется, контужен. У меня у самого-то уши заложило, хоть я и находился чуть дальше от места взрыва.

– Жуков, приходим в себя!

Я уже не ору, а приказываю. И при этом охаживаю Жукова ладонью по физиономии. Помогает.

– Почему? – спрашивает меня Жуков и делает попытку подняться на ноги.

– Лежать! – командую я и бью Жукова по шее, не давая ему высунуть голову из-за бронированного щита-зонтика, который успел раскрыть над его башкой Кирилл.

– Куда? – следующий вопрос Жуков задает уже по существу.

– Ползком вон до той двери, голову не поднимать! – командую я.

Жуков – парень понятливый, довольно быстро на полусогнутых двигается к спасительным дверям. Под прикрытием Кирилла и подоспевшего с другой стороны Олега, раскрывшего точно такой же щит-зонтик. Я остаюсь на месте, готовый к отражению атаки. Хотя, говоря точнее, я готов поймать пулю снайпера. Ту самую, что припасена для Жукова, но ловить ее буду я.

– Валентин, отомри! – произносит из своего укрытия Лемберг.

Более практичный немец сориентировался чуть раньше остальных. Сразу же укрылся за мусорными баками и взял под контроль окна дома напротив, фиксируя возможный отблеск снайперской оптики.

– Ну чего встал, как тополь на Плющихе? – продолжил Лемберг, уверенный, что опасность миновала.

Я оборачиваюсь и вижу, что Жуков, Кирилл и Олег скрылись в близлежащем подъезде. При этом Кирилл зашел в него первым и лишь потом втащил туда Жукова, вновь впавшего в ступор. После этого я заметно расслабился и опустил руку с своим пистолетом-пулеметом. И тут же услышал истеричный вопль:

– Руки в гору, падла! Стоять, не двигаться! Милиция!!!

Возражать нет ни желания, ни, пожалуй, возможности. Милицейские ребята успели выскочить из патрульной машины, залегли за ее корпусом, наставив на меня автоматы. Как всегда, милиция подоспела вовремя.

– Без хамства, ребята, – я отбрасываю в сторону ПП и поднимаю руки.

Добавлять, что я не падла, а офицер специальной разведки воздушно-десантных войск, пока не решаюсь. Двое милицейских быстренько подбегают ко мне, и один из них бьет меня в живот.

– Я же просил, без хамства, – чуть сбив дыхание, произношу я.

– Терминатор, б...! – ругается здоровенный сержант, видимо, сильно смущенный, что я даже не согнулся от его удара.

Принимать удары на корпус я не люблю, но умею.

– Ребята, а про меня забыли? – из своего укрытия поднимается Лемберг, как и я, безоружный, с поднятыми руками.

В иной ситуации Лемберг весьма успешно уложил бы милицейских автоматчиков, но такой задачи перед нами не ставилось.

– Кто такие? – задает вопрос старший, в звании прапорщика.

– Все вопросы потом, – максимально миролюбивым голосом говорю я. – И не ко мне.

Через десять минут мы с Лембергом оказываемся в милицеском околоте. Кирилл и Олег должны были доставить Жукова на квартиру и связаться с Комбригом. Дежурный мент пытается задавать вопросы, но мы с Лембергом лишь разводим руками, и поэтому нас сажают в обезьянник. Не проходит и восьми минут, как дежурного куда-то вызывают, а еще через минуту он возвращается и, хмуро извинившись, выпускает нас с Лембергом. Это означает, что Комбриг только что имел беседу с милицеским начальством. Что ж, Кирилл и Олег быстро сработали. Нам возвращают оружие и документы. Похоже, милицеские так и не успели разобратся, что паспорта – откровенная липа, прикрытие, изготовленное в авральном порядке.

Выйдя из отделения, мы с Лембергом решаем вернуться к месту взрыва. Там суетятся эксперты, фотографируют выбитые стекла первого этажа. На нас никто не обращает ни малейшего внимания. Мы – обычные зеваки, коих здесь в избытке. Чуть поглазев, мы, как и полагается зевакам, удаляемся...

Следователь и эксперты будут выдумывать собственные версии взрыва, прогремевшего в тихом московском дворе. Если бы я имел возможность, то сообщил бы им следующее: ровно двадцать две минуты назад на некоего гражданина Жукова было совершено покушение при помощи радиоуправляемого взрывного устройства, спрятанного в коробку с мусором. Гражданин Жуков двигался с одного объекта на другой под охраной, которая лопухнулась и самым дилетантским образом позволила ему пройти рядом со злополучной коробкой. По счастливому стечению обстоятельств погибших и раненых нет... Но всего этого я сообщить следствию не имею права.

Спустя еще сорок минут я стою навтыжку перед Комбригом и получаю заслуженный нагоняй. Как старший группы охраны.

– Только не говори мне, что ты не профессиональный телохранитель, а офицер ВДВ, – произносит Комбриг.

– Вы это сами знаете, – отзываюсь я.

– Дерзись... Это хорошо, значит, не боишься. Ни меня, ни тех, кто вас сегодня хотел подорвать, – усмехается Комбриг.

– Боюсь, – произношу я, не кривя при этом душой.

– Кого? Меня или... неизвестных террористов? – уточняет Комбриг.

– И вас, и их, – только и остается ответить мне.

– Если слегка, то это даже хорошо, – улыбается Комбриг. – Ну тогда слушай! То, что произошло сегодня – ерунда по сравнению с тем, что может быть. Сегодня вас всего лишь напугали. Предупредили, одним словом.

– Очень благородно, – киваю головой. – И что дальше?

– Дальше могут и убить, – в свою очередь кивает Комбриг. – Я это к тому говорю, что среди твоих парней кто-то стучит. Ну, кто-то выдал маршрут вашего движения и успел поставить взрывное устройство.

В самом деле, Комбриг прав. В динамике событий я не успел об этом подумать.

– Вопросы есть? – спрашивает Комбриг, давая понять, что разговор окончен.

– Есть, но вы ведь все равно не ответите, – проговариваю я, сдерживая тяжелый вздох.

– Не отвечу, – соглашается Комбриг.

На этом наша беседа окончена. Я получил информацию для дальнейших умозаключений, задача поставлена. Беречь пуще себя господина Жукова, параллельно вычислить того, кто выдал сегодняшний маршрут...

Ох, как хотелось бы мне задать Комбригу несколько отнюдь не праздных вопросов! Во-первых, с кем мы вступили в противоборство? Кто враг? И, главное, кто такой Жуков, охраняемое нами лицо? Почему и за что его хотят уничтожить? Почему мы, охрана Жукова, не имеем права расшифровываться перед милицией, ФСБ, прочими правоохранительными структурами? Ни на один из этих вопросов человек, именующий себя Комбригом, не ответит. Таковы были условия спецзадания, от которого еще две недели назад можно было бы отказаться...

Теперь поздно.

Часть первая

Закрытым указом

1

Две недели назад меня вызвали в главный штаб ВДВ. Разговор был короток – товарищ дорогой, по приказу вышестоящего командования поступаешь в распоряжение некоего господина хорошего. Приказы, как известно, не обсуждаются. Офицеров разведки ВДВ периодически посылают во всякие так называемые «горячие точки», поручают всяческие специфические задачи. Удивительного ничего не было. Господин хороший оказался штатским, без выправки и командного голоса. И встретились мы с ним на обычной московской квартире в одном из спальных районов.

– Валентин Денисович Вечер? – уточнил господин хороший мои данные. – Сокращенно получается – ВДВ.

Он не первый, кто это подмечает.

– Какая задача мне предстоит? – спрашиваю я.

– Ничего особенного. Вам поручается охрана физического лица. Будете охранять одного человека. Проводить его с работы домой, из дома на работу.

– Простите... Но я не профессиональный телохранитель, – позволил себе возразить я.

– Знаю. Но... Сложилась непростая ситуация, Валентин. Мы не можем доверить охрану этого человека другим людям, профессионалам. Нам нужен человек со стороны. Абсолютно ничего не знающий об охраняемом лице, не задающий лишних вопросов, но при этом имеющий хорошую боевую подготовку. Такая сложилась ситуация... Кстати говоря, ты ведь уже выполнял охранные функции?

В самом деле, во время боев в Чечне я некоторое время отвечал за охрану журналистских групп, а впоследствии сопровождал генерала из главного штаба. Но всем этим занимался весьма недолго.

– Это не мое личное задание, Валентин, это задание Родины, уж прости за высокий штиль, – окончательно прервал мои раздумья господин хороший. – Твоя задача определена, на другие твои вопросы я ответить не могу, не взыщи.

– Охраняемому лицу угрожает что-то серьезное? – задал-таки вопрос я.

– Скорее, да, чем нет, – ответил господин хороший.

Мне такой ответ не понравился, не люблю неизвестности и «недоговоренностей».

– Простите, я не могу сообщить вам всего, – продолжил мой собеседник. – Просто вы должны приложить все усилия, чтобы охраняемому лицу не было причинено ни малейшего вреда.

– Я вас понял. А как мне называть вас? По званию или по имени-отчеству?

– По званию? – пожал плечами мой новый начальник. – По званию я... Считаю, комбриг.

Комбриг – это не звание, это должность. Он явно штатский, ни малейшего намека на так называемую «офицерскую косточку». А по званию комбриг может быть и полковником, и генерал-майором.

– По имени и отчеству я Петр Петрович, – сообщил напоследок Комбриг. – При любом осложнении немедленно связывайтесь со мной, вот два телефона. Остальных охранников наберете самостоятельно, но из предложенных мною кандидатур. Четырех человек хватит?

– Вместе со мной пять?

– Да.

– Хватит, пожалуй, – соглашаюсь я.

– Тогда давай выпьем, – совершенно неожиданно предложил мне Комбриг, перешедший при этом на «ты». – Немного коньяка тебе не повредит.

Коньяк мне не вредил. Комбриг налил две небольшие рюмочки, чокнувшись со мной, произнес:

– Выпьем за доверие друг к другу и взаимопомощь.

Возражений у меня не было.

– Я очень симпатизирую таким людям, как ты, Валентин, – выпив коньяк, проговорил Комбриг Петр Петрович, – Главное, ничего не бойся.

– А чего бояться-то? – спросил я.

– Меня, например, – каким-то погрузневшим голосом ответил Петр Петрович. – Мы с тобой теперь на одной подводной лодке, с нее ход только в открытое море. Ты умный, поймешь.

Я понял. Комбриг Петр Петрович весьма намеренно сболтнул сейчас лишнее, проверяет мою реакцию. С одной стороны, «задание Родины», с другой стороны, не задавать лишних вопросов, и очень похожая на угрозу фраза про подводную лодку. Ну не на угрозу, так на некое предупреждение...

Внешне Петр Петрович был совсем не страшным, типичный такой конторский служащий.

– Когда я могу начать формирование группы охраны? – спросил я.

– Завтра в четырнадцать ноль-ноль прибудешь сюда.

INT-20 = На следующий день я отобрал четырех приглянувшихся мне ребят, имеющих боевой опыт. А потом нам представили некоего Жукова, невысокого роста, неприметной внешности, довольно молодого. И началась моя новая служба. Жил этот Жуков один, в очень скромной квартире. Насчет жены, детей, родителей и братьев-сестер никаких намеков. Работал преимущественно дома, но периодически выезжал на какие-то встречи с людьми, о которых мне накануне сообщал лично Комбриг. Понять, чем именно занимается Жуков, было абсолютно невозможно, да я и не пытался этого делать. Так продолжалось две недели, до сегодняшнего взрыва. Жуков должен был поехать на встречу, маршрут был сообщен мне Комбригом, я поставил в известность подчиненных, мы, как ни в чем не бывало отправились в район Северного столичного округа. Уже вошли во двор, почти добрались до нужного Жукову дома и подъезда, но, проходя мимо мусорной кучи и забитых до отказа контейнеров, нарвались на радиоуправляемую мину. По словам Комбрига, это лишь предупреждение. Но кому именно? Нам, Жукову!? В любом случае, пока мы его охраняем, пули и осколки будем принимать на себя.

– Чего невесел, Валька? Ведь обошлось... заметил вошедший в мою комнату Кирилл.

Надо сказать, что мы с Жуковым переехали на новую квартиру. Четырехкомнатную, с глухими, чуть ли не бронированными шторами на окнах. Теперь почти каждый из нас имел по персональной комнате.

– Обошлось, – кивнул я, сам же сделал молчаливый жест в сторону балкона.

Это означало, что нам с Кириллом нужно поговорить без лишних ушей. Кирилл был моим заместителем по руководству охранной группой. В прошлом пограничник, старший лейтенант. Толковый парень, высокий, длиннорукий, не слишком чтущий субординацию, что впрочем, мною не возбранялось. Вместе с тем исполнитель, лишний раз не умничает, языком чесать не любит – таким и должен быть мой зам.

– Кирилл, нас ведь кто-то сдал, – без предисловий начал я, когда мы вышли на балкон. – Точнее, сдал маршрут передвижения.

– Я думал об этом, – кивнул пограничник.

– И что? – спросил я.

– Сообщить мог тот, кто не поехал. Тот, кто остался на квартире.

Как все просто, ясно и логично. Всего охранников (во главе со мной) пятеро, а сопровождать Жукова отправилось четверо: Лемберг, Кирилл, Олег и я. До выхода на маршрут никто никуда не звонил, вообще никуда не отлучался. Следовательно, звонил пятый. Сейчас он находился в соседней комнате, листал журнал «Кемпо», периодически усмехаясь. Он был единственным из охранников, кого я знал раньше. Да и не мудрено – дядя Гриша (он же Степаныч), дяденька уже в годах, но может дать фору многим молодым. Парадную офицерскую форму надевал раза три-четыре за всю жизнь, чаще действовал в камуфляже, а то и вовсе в гражданском. Степаныч был инструктором по спецдисциплинам, точнее, по рукопашному бою и практической стрельбе. Владел этими «дисциплинами» на должном уровне, внешне, несмотря на годы, законсервировался, его истинный возраст определить сложно. За его плечами был и Афганистан, и другие «горячие точки». В учебных центрах натаскивал и спецназ ГРУ, и нас, разведку ВДВ. Представить Степаныча в качестве заурядного стукача-provокатора я не мог. И еще, самое главное: будь Степаныч внедренным «казачком», он давно уже свалил бы из нашей компании. Подозрения в выдаче маршрута нашего движения ложатся на него мертвым грузом, профессионал уровня Степаныча это осознает и уходит сразу же...

Итак, что имеем? Степаныча я склонен подозревать в измене меньше всех. Но у остальных – железное алиби. Я объявил о маршруте, и через пять минут мы уже двигались по нему. Все трое – Лемберг, Кирилл и Олег – постоянно были в поле моего зрения и слуха. Как еще могла утечь информация? Может, сбой произошел у Комбрига? Но тогда это его трудности, хотя свинцом шпиговать будут нас. Прослушка в квартире? Маловероятно, в помещении постоянно включена специальная глушилка-скеллер.

– Ну что молчишь, Валентин? – нарушил молчание Кирилл.

– А чего говорить? От подъезда нас отследить не могли. Во-первых, мы не такие уж лопухие и слежку распознать сумели бы. Второе – ехали мы на джипе-внедорожнике на максимальной скорости, поэтому даже если бы и отследили, то никак не успели бы поставить мину. Джип оставили на улице, во двор въезжать не стали... А ведь за нами все-таки следили! Не знаю, с какого момента, но следили. Ведь кто-то нажал на кнопку радиовзрывателя, как только мы поравнялись с мусорной коробкой. Комбриг говорит, что это только предупреждение!

– Все, Кирилл, – произнес я, приняв окончательное решение. – Благодарю за службу, но мы расстаемся.

– Не понял, командир, – искренне удивился пограничник.

– Я распускаю группу, – пояснил я. – Вычислить засланного «казачка» я не могу, поэтому мне легче набрать новых бойцов.

В ответ Кирилл лишь пожал плечами. Решения командира не обсуждаются. Я тем временем набрал номер Комбрига, намереваясь сообщить о своем решении. И был тоже немало удивлен, когда услышал обыденное: «Абонент временно недоступен, перезвоните позже». Телефон Комбрига должен был отвечать круглосуточно – если не сам Петр Петрович, то кто-нибудь из его секретарей-адъютантов. Видел я таких троих, неприметные молчаливые ребята. У меня был второй телефон, но когда я набрал его, то и вовсе услышал, что такого номера в природе не существует. Видимо, я не смог сдержать эмоций, что-то резко изменилось в моем лице.

– Что такое, Валентин? – спросил Кирилл.

– Комбрига больше не существует, – произнес я. – Без лишних вопросов. Собираем вещи и немедленно уходим отсюда!

Поменять состав своей боевой группы я не мог, но сменить место дислокации пока еще был в состоянии. И это было единственное верное решение. Кажется, я начинаю догадываться, в какую историю мы с бойцами и этим самым Жуковым влипли.

* * *

– Лейтенант Вечер, вы готовы передать командованию любую добытую вами разведывательную информацию?

Такой вопрос задал мне преподаватель учебного центра ВДВ, когда я носил на плечах по паре маленьких звездочек.

– Разумеется, – ответил я.

– Разумеется! – почему-то передразнил меня преподаватель, дядька ехидный, с юмором, тридцать лет прослуживший в военной разведке. – Да, разведчик обязан сообщать все добытое им, вплоть до малейших деталей. Но вот представь себе, лейтенант Вечер, такую картину. Отправляют тебя в космос провести специальную космическую разведку. Не смеяться и не хмыкать! Я серьезен, как никогда! Так вот, лейтенант, ты эту разведку проводишь и вдруг выясняешь, что к Земле со страшной скоростью движется астероид, который, увы, никак и ничем нельзя остановить. Через двое суток планета Земля перестанет существовать. Будешь ты о таких вещах докладывать?

– По-моему, я обязан доложить, – неуверенно отозвался я.

Этого преподавателя всегда сложно было понять – то ли шутит, подкалывает, то ли таким образом какую-то важную вещь до зеленого лейтенанта хочет донести.

– Смысл твоего сообщения? – переспросил преподаватель. – Астероид не остановить, Землю не спасти. Не лучше ли никого не огорчать, дать помереть быстро и не мучаясь?

– Но командованию-то я сообщить должен, – пытаюсь возразить я.

– Ну а что командование? Вдруг там дураки найдутся, которые возьмут и населению сообщат. Начнется паника, давка. Народ под землю ползет, а ты знаешь, что и это не спасет.

– А что, среди командования бывают дураки? – сдерзил я.

– Дураки бывают среди рядовых, сержантов, прапорщиков, лейтенантов, майоров, полковников, и генералы – тоже не исключение.

Преподаватель Павел Михайлович не лез за словом в карман и выражений подчас не выбирал.

– Ну хорошо, я не буду сообщать, и жители Земли погибнут счастливыми, ничего не подозревающими, – ответил я Павлу Михайловичу.

– На экзаменах таких вопросов не будет, – чуть помолчав, проговорил Павел Михайлович. – На тех экзаменах, что вы будете сдавать в нашем учебном центре через полтора месяца. А вот в жизни такой вопрос может встать. И к нему вы должны быть готовы.

– Ясно, товарищ полковник, – отозвались в один голос сразу несколько лейтенантов, и я в том числе.

* * *

Надо сказать, что далее в моей боевой практике таких вопросов не возникало, столь сложных решений от меня не требовалось. Да, я был офицер с высшим образованием, но подход ко мне, как правило, был таким. Стрелять умеешь? Да так себе, скромно говоря. Драться? Мастер спорта по боксу, стало быть, тоже немножко умею. Взрывать? Тоже обучен. Стало быть – вперед. Единственная твоя работа, Валентин, – война. Мысленно возражаю, что обучали и готовили меня для защиты Отечества, но как-то вяло у меня это получается даже в споре с самим собой. Да, за десятилетие с лишком моей службы из меня сделали отлаженную боевую машину. Я выполняю приказы, не более того. Поручено охранять Жукова, значит, буду охранять. И все, казалось бы? А вот и нет, получается.

Кажется, сейчас я с бойцами оказался перед вопросом, подобным тому, что задал мне тогда Павел Михайлович. В самом деле – повышенная секретность выполняемого задания говорит о том, что дело серьезное. Расшифровываться нельзя ни перед ФСБ, ни перед милицией. Комбриг даже предупреждал меня о статье за разглашение гостайны и брал на себя решение всех возможных трудностей. Теперь Комбрига нет. Скорее всего, его нет в живых, и он сумел уничтожить связь, чтобы неизвестный противник не смог добраться до нас. Что дальше? Остается одно – выполнять задание Родины, сохранить жизнь господину Жукову. Астероид не астероид, но что-то такое нам в затылок дышит. ТАКОЕ, о чем может знать лишь очень ограниченный круг людей. Столь повышенная секретность бывает лишь в экстренных, исключительных случаях. Утечка информации может привести к непоправимым последствиям. «Паника, давка начнется», как говорил незабвенный Павел Михайлович. Меня направили в распоряжение Комбрига с разрешения начальника главного штаба ВДВ. Что ж – задания Родины никто не отменял, стало быть, продолжим его выполнять. Пусть и в изменившихся условиях.

2

– Куда вы меня привезли?

Этот вопрос задал Жуков. Я препроводил его в апартаменты двухэтажного сельского домика, сообщив, что комната с одним окном на первом этаже полностью в его распоряжении. Рядом – лаз, ведущий в подвал, что позволит в случае чего укрыться там и выйти к огородам.

– Объект номер четыре, – деловым тоном пояснил я. – На случай особого периода место базирования диверсионной группы ВДВ.

Жуков – парень понятливый. Более вопросов он не задавал. Разведка ВДВ, как и всякая уважающая себя разведка, имеет несколько подобных объектов, где в случае так называемого «особого периода» можно отсидеться, переждать, подлечиться, подготовиться к выполнению поставленной задачи. Ну, а особый период это, как правило, война.

– Много народу знает про этот «объект 4»? – задал вопрос по существу Жуков.

– Он закреплен за мной, осведомлены еще несколько человек в разведотделе, сам адрес под грифом «секретно».

Жуков в ответ лишь кивнул. Вид у него был невеселый.

– Жарко, – вдруг произнес он, вытирая со лба испарину, и добавил: – Как на реакторе.

– А что, приходилось бывать? – тут же уточнил я.

– Да так... – неопределенно пожал плечами Жуков.

Слова лишнего из него не вытянешь. А жара действительно с самого утра какая-то лютая, сезону не соответствующая, как-никак начало сентября.

– Работать здесь сможете? – спросил я.

– Почему нет? – вопросом на вопрос отозвался Жуков. – Работать-то я могу. Вот только... Что дальше? Чему вы улыбаетесь, Валентин?

Я в самом деле позволил себе усмешку. Надо как-то разрядить обстановку, дать понять Жукову, что я уверен в себе и своих бойцах на все двести процентов.

– Ну, для начала определимся, – перестав улыбаться, продолжил я. – Кто командир? Вы или я?

– В боевых условиях – вы. А так – я, – произнес в ответ Жуков.

– А сейчас у нас какие условия?

Жуков слишком поспешно принял на себя командование. Человек он, судя по всему, сугубо штатский, сейчас ему надо что-то отвечать мне, но что именно, он не знает. Поэтому опускает взгляд, держит театральную паузу, мысленно подбирая нужные слова.

– Что могло произойти с Комбригом? Ну, с Петром Петровичем? – таким вопросом я прервал паузу.

– Не знаю.

Похоже, не врет. Что он может знать, ведь все время был под нашей «опекой»?

– Он жив? – уточняю я.

– Думаю... нет, – достаточно уверенным голосом ответил мне Жуков.

– Вот и я, Жуков, тоже так думаю... Ничего более не хотите мне сообщить?

– Нет, – покачал головой Жуков, впрочем, на сей раз не очень уверенно.

Или мне это только показалось.

– Тогда работайте, а я посоветуюсь со своей командой на втором этаже.

После этих слов Жуков раскрыл свой ноутбук, а я отправился на второй этаж, к своим бойцам. Командиром на сегодняшний день буду я. На последующие, скорее всего, тоже. Если доживу.

* * *

– Эти ребятишки мне не нравятся, – Лемберг указал за окно.

Возле нашей калитки прохаживалось двое молодых узбеков в мятых строительных спецовках.

– Ты скинхед? – уточнил Кирилл.

– Шутки отставить, – командую я.

На пустые разговоры нет времени. Узбеки, скорее всего, местные гастарбайтеры, бродят в поисках заработка. А тут кто-то видел, что в пустующий дом вошли люди, вот они теперь здесь и околачиваются. Именно так я и объясняю вслух их появление.

– Послать их куда подальше? – спросил Олег.

– Не надо, – ответил я. – Наоборот, если чего спросят, попросим их огород вскопать. В-первых, маскировка, во-вторых, оба будут у нас под контролем.

Возражений на сей счет нет. Степаныч кивнул, не отрываясь от монитора, – за подступами к участку ведется видеонаблюдение, но пока ничего подозрительного дядя Гриша не заметил.

– Нам предстоит выяснить, с кем мы воюем. Кому перешел дорогу наш драгоценный господин Жуков, – продолжил я, отметив, что все бойцы в хорошей боевой форме, кислых физиономий не наблюдалось (кажется, я не ошибся, формируя команду). – Думаю, есть смысл добыть «языка», – после этих слов я остановил взгляд на оторвавшемся от монитора Степаныче, как самом старшем и опытным.

– Каким образом? – не удержался от вопроса Олег, напротив, самый молодой в команде.

– Пойдешь со мной, узнаешь. Лемберг, возмешь вторую машину и за нами, но на расстоянии.

Немец слегка наклонил голову в знак согласия. У нас два автомобиля – джипы повышенной проходимости с затемненными стеклами. В местном гараже имеется мотоцикл с коляской и, в духе времени, два скутера.

– Понято, – отозвался Олег своей излюбленной фразой.

Он человек не армейский, а милицейский, «так точно» у него в ходу.

– Кирилл и Григорий Степанович останутся с Жуковым, – подвел я итог совещания, поймав понимающий взгляд Кирилла.

У нас с пограничником есть некоторая договоренность, о которой остальные не осведомлены.

Не проходит и сорока минут, как мы въезжаем в Москву и попадаем в пробку. Как хорошо и вольно было на шоссе, как чудовищно в столице...

* * *

– Мне «языков» брать не доводилось, – произнес сидящий за рулем Олег. – Бандюков разных там скрутил немало, одному ноги прострелил, чтобы не махал ими.

Олег в недавнем прошлом – младший лейтенант СОБРа, милицейского спецназа. Невысокого роста, но с мощными ручищами, накачанной шеей и бочкообразной грудной клеткой. Плюс сломанный нос и золотые коронки во рту. То ли мент, то ли совсем даже наоборот.

– Стрелять, Олег, не надо, – категорически отозвался я.

– Понято, – кивнул младший лейтенант.

Он тронул машину с места, мы проехали метров шестьдесят и снова увязли в следующей пробке. Олег тяжело вздохнул, но промолчал. Это мне очень на руку, так как в правом ухе у меня вставлен наушник и помимо прочих дел я имею возможность слушать, чем в данную

минуту занимаются Кирилл и дядя Гриша. Комбриг снабдил меня средствами тайного прослушивания, точно предвидел все возможные ситуации.

И как только мы завязли в пробке, разговор между Степанычем и пограничником завязался на редкость занимательный.

– Как вам, Григорий Степанович, наше положение? – спросил голос Кирилла.

– Режим секретности редко бывает лишним, – службистским тоном отозвался Степаныч. – Хотя... Перевалят нас в этом самом «режиме», потом пара высоких начальников пожмет друг другу руки и выяснится, что погибли мы все из какой-то херни...

– Не понимаю, – произнес в ответ Кирилл.

– Два генерала не могут что-то поделить. Вот этого самого Жукова, будь он неладен. Не мое дело, чем он занимается, но суть в том, что кому-то Жуков сильно надобен. А кто-то другой не хочет его отдавать. А мы между ними, и первые пули нам. Но у нас «режим секретности», расшифровываться не имеем права.

«Браво, Степаныч, мои мысли читаешь!» – усмехнулся про себя я.

– Приказы не обсуждаются, – согласился со Степанычем пограничник. – А вы нашего командира раньше знали?

Разговор зашел обо мне.

– Знал, – не задумываясь, ответил Степаныч.

– Ну и как он?

– На вид либерал, армейский интеллигент. По существу – зверюга, каких поискать...

Во как меня припечатал Степаныч! Я зверюга, получается. «Каких поискать!!!» Я проходил у него спецкурс в учебном центре ВДВ, потом мы дважды встречались на боевых – в Чечне и в Африке¹. С чего это он меня так?! Ну да, в Африке я сумел обхитрить и уложить в землю с десятков подлинных «зверюг», может, поэтому. Или зол на меня, что втравил немолодого дяденьку в этот «режим секретности»?

На некоторое время оба умолкли, а я стал разглядывать себя в зеркало заднего обзора. На зверюгу ну совсем не тяну. И в суворовском, и в рязанском десантном я постоянно комплексовал из-за своей совсем неармейской внешности. В самом деле, личико худенькое, глаза большие и голубые. Девчонкам я нравился, что, конечно, было неплохо, но мне всегда хотелось выглядеть суровым, бывалым дядей, а не мальчишкой с курсантскими погонами. Нос, правда, у меня перебитый, я мастер спорта по боксу, чемпион рязанского училища в полусредней весовой категории. Я тогда щупленький был, худенький. Сейчас-то я уже «средний вес», даже к «полутяжу» приближаюсь... Нет, внешне «зверюга» из меня никакой.

– Если бы хоть какая-то информация у нас была... – продолжил Кирилл.

– Информация? – переспросил Степаныч. – Так за чем дело стало? Давай попытаем Жукова?

– Чего?!

– Каленым железом, – пояснил дядя Гриша.

– С ума сошел, Степаныч? – перешел на «ты» пограничник.

– Мы из-за него под пули, вообще неизвестно подо что пойдём, а он молчать будет? – голоса Степаныч не повышал, говорил вроде как о вещах, само собой разумеющихся. – Век здесь, на «хуторе», не отсидишься.

– Нет, – подавленно произнес Кирилл, хотя в душе, возможно, был солидарен с дядей Гришей.

– На нет и суда нет, – заключил Степаныч, и в моем наушнике повисло длительное молчание.

¹ Подробнее об «африканской операции» написано в романе «Предателей казнят без приговора».

Шутит Степаныч? В его возрасте и с его заслугами подобные шуточки прощаются. Но вот злость у дяди Гриши не наигранная. Олег между тем вырулил в переулок и исхитрился объехать пробку. Лемберг, как и было оговорено, оторвался от нас при въезде в Москву и ждал моего сигнала.

* * *

– Долго здесь стоять будем? – спросил Олег, кивнув в сторону двенадцатиэтажного дома, во дворе которого мы затормозили десять минут назад.

В пробках мы настоялись основательно, натура бывшего милицейского спецназовца жаждала действия.

– Сиди здесь и жди меня, – ответил я и распахнул дверцу.

– Понято, – дернул накачанной шеей Олег.

Войдя в подъезд, я не стал вызывать лифт, а отправился по лестнице пешком. На четвертый этаж, где находилась квартира двадцать два. Именно в ней произошла моя первая встреча с человеком, которого я знал как Комбрига. Оказавшись в коридоре рядом со злополучной квартирой, я секунд двенадцать потоптался около дверей, делая вид, что нахожусь в поиске. Если я сейчас позвоню в двадцать вторую, то очень велик риск, что оттуда выскочат ребята, тренированные ничуть не хуже меня, и быстренько уташат к себе. Это меня не устраивало. А вот то, что за мной уже ведется наблюдение, я не сомневался. Подойдя вплотную к двадцать второй, я приподнял руку, точно хотел позвонить, но замешкался. А вдруг здесь никого нет, конспиративную квартиру временно, что называется, «заморозили» и я зря теряю время? Однако других нитей, ведущих к Комбригу, у меня не было. Звонить тем не менее я не стал. Но и уходить не торопился. И не даром...

– Кто вам нужен? – услышал я женский голос из двери квартиры двадцать один.

– Никто, – внятно ответил я, не собираясь при этом уходить.

– А что вы здесь делаете? – продолжила женщина.

– Осматриваю вашу площадку, – честно отозвался я, будучи готовым к любому развитию событий.

– Зачем?

– Нужно.

За двадцать первой дверью умолкли. Если за мной наблюдают те, кто мне нужен, то сейчас они решают, что со мной делать. Может, я из домоуправления, или из местной милиции, из санэпидемстанции, строительной инспекции?! Веду осмотр помещения, и не более того. Наши противники так же, как и мы, крайне не заинтересованы в расшифровке. Если я из домоправы, то меня лучше отпустить с миром. А если нет?! Противник наверняка постарается расколоть меня, не раскрываясь при этом сам. Между тем мягко щелкнули дверные замки, и на пороге двадцать первой квартиры появилась молодая, не лишенная привлекательности и обаяния женщина в брюках и обтягивающей футболке.

– Так что вы здесь осматриваете? – строго уточнила она.

– А вы сами посмотрите! – я ткнул пальцем в потолок.

– Чего «смотрите»? – не поняла женщина, так как на потолке ничего не было видно, в силу слабого освещения.

– Да ничего, – хамски произнес я. – Только вопросы задавать умеете, а площадку в порядке содержать не можете.

– Не грубите! – тоненько взвизгнула дама.

Я бросил на нее быстрый взгляд и отметил, что дверь она не распахивает, поэтому разглядеть, что (и кто) находится в ее квартире, невозможно. Впрочем, ответ на этот вопрос я получил достаточно быстро.

– Кто там такой вежливый? – послышался из квартиры мужской бас.

Не прошло и пары секунд, как на площадку вышел крепкий парень с короткой армейской прической.

– Ну и чего? – спросил он, угрожающе приблизившись ко мне.

– Ни-че-го, – внятно и по слогам произнес я, отметив, что парень явно тренированный, оружия не наблюдается, но исключить его наличие нельзя.

– Чего тут нужно? – нахмурился он, и я отметил, что парень весьма грамотен в рукопашных делах.

Близко не приближается, руки держит на уровне груди.

– Пойду я, – проговорил я, сделав шаг вперед.

Не говоря ни слова, парень нанес резкий удар, целясь мне в челюсть. Боксерская реакция позволила мне уйти от его кулака, и я тут же пробил ответный в солнечное сплетение. У парня оказался накачанный, почти «бронированный» пресс. Он чуть отступил, чуть согнулся, но боевого настроения при этом не утратил. Следующий его удар я блокировал, он, в свою очередь, блокировал мой. Против меня сейчас стоял боец не ниже кандидата в мастера спорта, причем более тяжелый и сильный, нежели я. Из квартиры могли выскочить еще несколько «кандидатов», поэтому я пошел на рискованный прием, именуемый «тараном». Попросту ломанулся в открытую атаку, снося при этом противника собственной башкой. Велик риск напороться на встречный удар и оказаться в глубоком нокауте, но мой противник чуть замешкался, и я снес его, точно был стенобитным орудием. На ногах парень не устоял – как минимум нокдаун и перелом носа. Женщина даже не вскрикнула. Вступить в схватку в узком коридоре она не могла, и скорее всего, была уверена в боевых возможностях своего бойфренда. Через мгновение я был уже на лестнице, а еще через пару мгновений – в автомобиле рядом с Олегом.

3

– Чего и следовало ожидать. Скорость не повышай, но и не снижай, – сказал я Олегу, с удовлетворением отметив, что уже две улицы за нами идет «хвост» – внедорожник с такими же, как у нас, затемненными стеклами.

Я тут же связался с Лембергом, дав ему команду боевой готовности. Мой план, кажется, сработал. Для начала я «шумнул» у дверей квартиры, дал возможность себя заподозрить, и наша машина наверняка привлекла внимание своим долгим пребыванием у подъезда. Захватить меня не сумели, но «пасти» будут, даже особо не таясь. Нашим неизвестным пока врагам тоже очень хочется узнать о нас как можно больше. Единственное, что меня смущало, так это то, что я не знал, сколько бойцов в преследующей нас машине. Кирилла со Степанычем я больше не прослушивал, не Юлий Цезарь, делать одновременно десять дел не обучен. Теперь главное, чтобы не подвел Лемберг.

Мы выехали за город, движемся по шоссе, вот заветный дорожный знак «Обгон воспрещен». Преследователи чуть отделились, но держали нас в поле зрительного контроля. Сейчас мы должны увидеть Лемберга.

– В чем дело? – громко спросил Олег у остановившего нашу машину милиционера.

– А сами не видите?! – невежливо заорал старший лейтенант, он же Саша Лемберг, тыкая жезлом в пару «поцеловавших» друг друга иномарок, почти полностью загородивших проезд.

Помимо оружия, средств прослушивания, миниатюрных взрывных устройств Комбриг снабдил нас несколькими комплектами милицейской формы. А также полосатым жезлом и наручниками. Как только он мог все предусмотреть? Лемберг оделся милиционером, остановил первую движущуюся ему навстречу иномарку и в приказном порядке велел перегородить путь. Вторая машина являлась бронированным джипом самого Лемберга. Водитель первой иномарки топтался на обочине. Я надеялся, что Саша предупредил его, чтобы в случае стрельбы тот падал на землю и не шевелился.

– Ну и нам-то что? – продолжал Олег напирать на мента Сашу.

– Что-что?! – передразнил его Саша. – Помощь оказать надо, «скорая» на подходе, а в машине раненый человек!

Наши преследователи нагло затормозили всего в нескольких метрах от нас, чуть приоткрыли боковое стекло и имели возможность слушать весь разговор.

– А мы что, «скорая»? – Олег не желал менять линии поведения.

– Да говорят тебе... А, ладно! – Лемберг махнул рукой и бросился к машине, притормозившей сзади нас. – Ребята, ну хоть вы людьми будьте!

Дверцы автомобиля распахнулись с разных сторон, и оттуда вышли сразу все трое. По габаритам эти ребята вполне могли быть членами олимпийской сборной по дзюдо, разумеется, в тяжелом весе.

– Ну-ка, документы твои, старлей, – не терпящим возражений голосом произнес один из них.

Голос командирский, точнее, ментовский, начальственный. Интонация, как у командира ОМОНа, не меньше. Перед нами были профессионалы, это видно и по их телодвижениям, по взглядам, по фигурам тренированным, упакованным в удобную для боевых действий одежду. Однако в Чечне и в Африке мне и Лембергу тоже не с пьяной шпаной воевать доводилось.

– Пожалуйста, – Саша сунул спросившему под нос какую-то бумаженцию.

Тот начал было читать, но в то же мгновение Лемберг ушел с огневой линии, успев перед этим метнуть на крышу джипа преследователей дискообразную пластинку. Одновременно с Лембергом мы с Олегом выскочили из собственной машины. Перед ботинками наших преследователей прошла автоматная очередь. Один из них успел выхватить собственный пистолет,

но Олег опередил его, ранив в плечо. На все про все ушло секунды полторы-две. Мы с Олегом укрылись за собственной «броней» – реально прострелить наш джип можно разве что из гранатомета. Поэтому я начал переговоры:

– Слышите, бандюги! – крикнул я, не поднимая головы. – Или руки в гору, или вам всем «братская могила». Взрыватель у меня в руках! Отвечать немедленно или взрываю!

Укрывшийся в кювете Лемберг только что зашвырнул на крышу джипа магнитную мину, которая тут же прилипла к стальной поверхности. Данная мина такова, что от ее детонации у джипа могут отлететь колеса, а тех, кто остался на шоссе, посечет осколками. Да и «броня» джипа могла дрогнуть, вряд ли ее испытывали такими вот новейшими дискообразными минами. Это был еще один «подарочек от Комбрига».

– Сам ты бандюга, – спустя полторы секунды услышал я в ответ. – Объясни сперва, что за наезд?

Мой противник пытался «быковать», изображал из себя крутого и делового пацана.

– С поднятыми руками быстро ко мне! – скомандовал я. – Остальным из машины выйти, отъездились!

Напор и быстрота сыграли свою роль. Через мгновение Олег заковал огромные запястья «делового пацана» в наручники и привычным для недавнего собровца движением засунул пленника в наш джип. Исхитрившийся обойти нас всех с тыла Саша Лемберг сел рядом с «языком».

– От машины на десять метров! – скомандовал я. – В лес! Бегом!!!

Преследующие нас ребята помнили о mine на крыше их джипа и уже сообразили, что их машина отъездила. Отправляться в мир иной вместе с ней они не имели ни малейшего желания, поэтому скоренько выполнили мой приказ. Лемберг в свою очередь махнул выползшему из канавы водителю перегородившей дорогу иномарки, чтобы тот отъезжал. Тот не заставил долго себя ждать, следом за ним рванула машина с Олегом, Лембергом и плененным «языком», лишь тогда я нажал кнопку взрывателя. «Броня» машины выдержала, но переднее стекло вылетело напрочь, треснули фары и, кажется, полетели все четыре колеса. Впрочем, изучать последствия взрыва у меня не было времени. Я влез в джип, на котором ранее ездил Лемберг, и двинулся за своими.

* * *

– Чего так борзо нас вели?

– А? – точно глухой, откликнулся «язык».

– По-наглому вели нас, в открытую, – пояснил я и тут же очень болезненно съездил допрашиваемому ладонью по носу.

– Чего дерешься-то? – «деловой пацан» на поверку оказался увальнеподобным, недалекого вида малым.

В ответ все трое – я, Лемберг и Олег – лишь усмехнулись недобрыми улыбками, достойными трех плотоядных динозавров.

– Вы это... Напрасно так вот, – заговорил «деловой» (плотоядные усмешки сыграли свою роль не хуже кулаков). – Нам поручено было вас проводить. Всех дел, как говорится. В контакт не вступать, но довести до конца вашего маршрута. Мы вас вроде как охраняли даже...

О как! Слава богу, хоть разговорился.

– А кто мы, ты знаешь? – спросил Лемберг, опередив меня с тем же самым вопросом.

– Нет, – помотал головой «язык».

Похоже, не врет. Таких габаритных ребят в курс дела не вводят. По крайней мере, всех подробностей не сообщают, а иной раз и жертвуют, точно пешками.

– А кто дал команду провожать нас? – задал вопрос я.

– Старший дежурный по группе.

– Какой группы?

– Охраны и сопровождения. Мы – ЧОП² «Доблесть». Заказ получен, старший сформировал группу сопровождения. Все... Удостоверения с собой брать не велели. Мы вас вели, а вы...

Врет или нет!? На правду, конечно, похоже. Получается, нас пасет некий доблестный ЧОП? Это может быть прикрытием более серьезных структур, но в таком случае этот незадачливый громила все равно ничего не знает. Остается задать ему один-единственный вопрос и принять решение.

– Кто нас заказал? – спросил я.

Просто спросил, можно сказать, по-доброму. Бряцать оружием, лязгать взведенным курком перед физиономией пленника при этом не стал.

– Не знаю. Правда, мужики, не знаю.

Он не из блатных. Блатной назвал бы нас «пацанами».

– Да я верю, – искренне согласился я тем же добрым, спокойным голосом – Заказчика ты, само собой, знать не можешь... Но ЧОП ваш доблестный имеет постоянную клиентуру и хозяев. На случайных людей вы не работаете, верно?

– Верно, – согласился «язык».

– А сейчас ты мне скажешь, кто эти люди. Попробуешь вилять, пристрелю тебя к чертям собачьим. Времени в обрез, понимаешь?

Я произнес все это, даже не повысив голоса. «Язык» нервно сглотнул.

– Феликс, – только и произнес он.

– Феликс? – переспросил я и тут же переглянулся со своими.

Лемберг едва заметно дернул шеей, давая понять, что данное имя ему ничего не говорит, а вот Олег утвердительно кивнул. Не зря, стало быть, милицейскую форму носил.

– И вас... Вас Феликс пасет, – проговорил «язык» и вновь сглотнул. – Отпустите меня, я что знал, сказал.

В самом деле, большего даже «каленным железом» не вырвешь. Олег кивнул во второй раз: дескать, умным понимающим людям достаточно.

– Пусть идет с миром, – произнес Лемберг.

Мы не убийцы, за просто так валить какого-то чоповца, который по виду нам не враг? Отпустим его, но не за просто так.

– А встретиться с Феликсом я могу?

– Зачем тебе? – чоповец посмотрел на меня точно на умалишенного.

– Свой телефон оставишь мне и сведешь с Феликсом, – категорично сообщил я.

– Нет. Феликс – зверюга. И меня убьет, и тебя достанет... Его злить нельзя.

– Феликс – зверюга, меня сегодня тоже зверюгой называли. Джунгли какие-то получаются.

– Мужики, вы меня спросили, я вам ответил...

О, попробовал бы ты не ответить! Олег с Лембергом подумали о том же самом, и чоповец вновь увидел три плотоядные улыбки, достойные тиранозавров.

– Ты сам кто такой? – спросил Олег.

– Я?

– Глухим не прикидывайся! – рявкнул на него Олег.

– В ЧОПе я. Раньше по контракту во внутренних войсках... Не убивайте, мужики.

– Сиди здесь час и еще пятнадцать минут. Часы у тебя есть. Про нас своему Феликсу в подробностях не рассказывай.

² ЧОП – частное охранное предприятие.

* * *

С таким напутствием мы оставили пленника в лесной чаще, куда притащили его для допроса, отъехав километров на двадцать от места столкновения с его «однополчанами», работающими на неизвестного мне Феликса.

– Феликс – криминальный авторитет, – просветил меня Олег.

Мы снова сидели с ним в одной машине. Лемберг двигался за нами.

– Не в законе, даже не сидел ни разу, но делами ворочает серьезными, – продолжил Олег. – Одна из самых крупных группировок в столице, почти все боевики зарегистрированы в официальных ЧОПах, в том числе в этой «Доблести» долбаной.

– Понятно, – кивнул я, мысленно сиюсь связать Феликса с Жуковым и Комбригом.

– Только я, Валентин, не могу понять, каким боком Феликс может иметь отношение к нашему охраняемому лицу, – прочитал вслух мои мысли Олег. – Не его уровень и не его сфера. Жуков, он какой-то ученый, так?

– Так, – согласился я, не видя смысла поддерживать «секретность» в столь узком кругу.

– А Феликса лишь живые бабки интересуют. Заправки, отели, проститутки, автобизнес. Он из спортсменов, этот Феликс. Сэнсей доморощенный, «черный пояс», неизвестно от кого и когда полученный.

В самом деле, не тот полет у Феликса. Но каким-то образом он возник. Что теперь получается? Нам подставили какую-то шпану. Из-за нее «режим повышенной секретности»? Полная ерунда...

* * *

– Полная ерунда, – подтвердил Степаныч, выслушав мое сообщение. – Ты, Валя, хоть и командир наш, но облажался по полной программе. Мое мнение: обвел тебя этот парень вокруг пальца, а ты и не заметил.

Остальные, включая Жукова, молчали. Мы сидели в большой комнате на втором этаже. Олег дежурил у монитора. За окном, в запущенном огороде, ковырялись двое узбеков-гастарбайтеров. Помимо прочего им было велено сообщать нам о появлении незнакомых людей. Узбеки, как выяснилось, давно жили в деревне и знали всех местных, что было нам очень на руку.

– ЧОП – прикрытие...

– Это я понимаю, – перебил я Степаныча.

– И Феликс – прикрытие, – кивнул дядя Гриша. – А тебе его подставили. Как наживку. На Феликса тебя и поймают. А заодно и нас с нашим «охраняемым лицом». Такое вот мое мнение.

– Понято, – не к месту подал голос Олег, не отрывающийся от монитора видеонаблюдения.

– И еще, Валентин, – продолжил Степаныч. – Не надо меня и ребят прослушивать. Мы в одном окопе, лишнее это. Я ведь знаю, что у Кириухи в правом рукаве было. И все что ему говорил, могу повторить тебе в лицо, Валя-командир.

Зло со мной говорит Степаныч, точно поставить на свое место хочет, чуть ли не унижить.

– Григорий Степанович, – не теряя самообладания, заговорил я. – Не будем друг дружку поддевать, мы в самом деле в одном окопе. Я с себя командных полномочий слагать не собираюсь. Прослушивать кого-либо тоже, хотя обещать не могу, не взыщите, ребята. А сейчас, Степаныч, очень хотелось бы послушать товарища Жукова.

Все, кроме сидящего у монитора Олега, впились глазами в наше сокровенное «охраняемое лицо».

– Феликс мне неизвестен, – отозвался Жуков. – Остальное, увольте, режим повышенной секретности.

– Нас здесь всех перестреляют с твоим режимом, – впервые не сдержал своих чувств обычно уравновешенный Кирилл.

Видимо, его задело, как ловко раскусил прослушку Степаныч.

– Значит, так тому и быть, – как ни в чем не бывало отозвался Жуков.

Среди моих подчиненных прошел ропот недовольствия.

– Слушайте, Жуков, или кто вы там... – начал Степаныч.

– Тихо, ребята! – голос Жукова неожиданно стал властным, почти по-армейскому командным. – Вы получили приказ от командования выполнить задачу по моей охране. Вы офицеры и прекрасно понимаете, что такое «режим повышенной секретности». Если кто-то забыл, я напому. Любое нарушение такого режима будет иметь непредсказуемые последствия... Хотите знать, какие?

– Хотим, – кивнул Кирилл.

– А я сам не знаю, какие. НЕ-ПРЕД-СКА-ЗУ-Е-МЫ-Е! – по слогам повторил Жуков. – Но глобального характера.

К Земле несется астероид? Нет, конечно же, но Жуков нас не пугает. Он ведь и сам готов погибнуть. Да, да, этот невысокий, неармейского вида парнишка слова Кирилла насчет «перестреляют» мимо ушей не пропустил. И всю серьезность ситуации понимает не хуже нас... Даже лучше, потому как осведомлен более нас.

– Если мы откажемся тебя охранять или немедленно свяжемся с милицией или ФСБ, Москва на своем месте останется? – перейдя на «ты», спросил Степаныч.

– Может и не остаться, – чуть подумав, ответил Жуков. – И не только Москва.

– Больше вопросов нет, – произнес Степаныч.

В комнате повисло молчание. Все мы были офицерами, все не по одному разу действовали в режиме секретности. И слово «приказ» не было для нас пустым. Но замечание о возможном исчезновении столицы с будущих географических карт произвело впечатление. Уточнять, что это будет – эпидемия, химическая атака или ядерный взрыв, – не имело смысла. Жуков сказал то, что счел нужным, большего из него не вытянешь.

– Не перестреляют нас, – буднично подвел итог Жуков. – Не получится...

– Движение! – слышался от монитора голос Олега.

Жуков тут же был уложен на пол, а в руках моих подчиненных появилось оружие.

– Три машины! Бронированные! Вооруженные люди! Нас штурмуют! – Олег, выхватив собственный пистолет-пулемет, рванулся к окну, оставив монитор.

Жуков на полусогнутых дернулся к лестнице. Кирилл и Саша Лемберг прикрывали его отход к спасительному подполу. Мы с Олегом и Степанычем открыли шквальный огонь из окон, срезав первых двух автоматчиков. Остальные грамотно отошли, выбрали удобную позицию и повели ответную стрельбу.

4

А самых первых выстрелов я не услышал. Наши противники били из оружия с глушителем. И первыми упали на землю никому ничего худого не сделавшие узбеки-пахари. Мы их для маскировки наняли, а их за охрану или наблюдателей приняли. И таким образом узбеки на некоторое время отвлекли на себя штурмующих, а мы выиграли четыре-пять спасительных секунд, в бою решающих многое. Жуков успел укрыться в подполе, мы не дали застать себя врасплох, штурмующие завязли на подступах к дому. Их было много: я успел увидеть, что на подмогу подошли еще два бронированных джипа. Кирилл и Саша должны были увести Жукова через подпол в сторону леса. До машин нам уже не добраться, это мое командирское упущение, но я никак не ожидал такого крупномасштабного штурма.

– Уходим, Степаныч! – скомандовал я, одновременно ткнув под ребра Олега.

Дав по прощальной очереди, мы втроем рванули к подполу. Наши противники действовали количеством, разработать операцию в деталях явно не успевая. Однако засаду неподалеку от огородов они выставить не забыли. Выбравшись из подземного лаза, мы наткнулись на три изрешеченных пулями тела. Кирилл и Саша сумели открыть огонь раньше. Да и засада могла быть неграмотно устроена. За нашими спинами остался пылающий дом, который продолжали штурмовать по-прежнему неизвестные нам бойцы. Пригнувшись, мы рванули в сторону леса и вскоре натолкнулись на Лемберга, Жукова и Кирилла.

* * *

– Я же говорил, нас не перестреляют, – заметил Жуков.

– На засаду нарвались, одного товарищ Жуков уложил, – сообщил Лемберг.

Я уже отметил, что в руках охраняемого лица пистолет. Везение или где-то боевой стрельбе обучался? Спрашивать сейчас недосуг. Свой компьютер-ноутбук Жуков также ухитрился захватить с собой. А Кирилл успел вынести рюкзак с техническим оборудованием.

– Возьмут дом, рванут в окрестности, – произнес очевидную для каждого из нас вещь Кирилл.

– Оружие спрятать и к станции, – скомандовал я.

– В каком смысле, Валентин? – переспросил Жуков.

– Поедем в столицу. На ближайшей электричке, – пояснил я.

Иного выхода я не видел. Сев в электричку, мы за короткое время имеем возможность покинуть район боевых действий. Искать нас будут по окрестностям, но никак не поверят, что мы запросто сядем в электричку и поедем в сторону Москвы. Не поверят, пока не обшарят лес и все возможные «медвежьи углы».

* * *

В вагоне было всего несколько пассажиров. Мы заняли две противоположные лавочки и немного расслабились. По счастью, мы успели купить на станции билеты и тут же сели в подъехавший поезд.

– Как нас вычислили? – спросил Олег.

– Сказать точно не могу, но... Либо кто-то из нас сумел сообщить наши нынешние координаты. Либо нас вычислили, изучив карту района. Кто-то очень умный просчитал, в какую сторону вы, Валентин, поехали после того, как оставили в лесу пленного, – ответил Олегу Степаныч.

Я молчал. Второе маловероятно, а вот первое... Тоже невозможно. Каждый был под контролем. Я контролировал Олега, Кирилл – Степаныча, Степаныч – Кирилла. А вот Лемберг некоторое время был в свободном полете! И еще Жуков. Степаныч и Кирилл охраняли его, но не контролировали. Мерзкие мысли. Но еще более мерзкой была мысль, что я подставил этих двух несчастных узбеков. Сгинули ребяташки (один из них совсем молодой, лет шестнадцати на вид) за просто так. За то, что их ширмой решили сделать. Выходит, и в самом деле – зверюга я, прав Степаныч. Не желал я ребятам-землекопам смерти, но что получилось, то получилось... Со стороны посмотреть – сюрреализм какой-то. Пятеро бойцов охраняют некоего засекреченного деятеля и в целях его же безопасности передвигаются на электричке. Деятель как ни в чем не бывало сообщает нам, что в ближайшее время Москва может быть стерта с лица Земли... Нет, не сюр, скорее бред какой-то.

– Твое слово, командир, – произнес Кирилл.

– Единственное имя, которое мы знаем, это имя некоего Феликса. Степаныч говорит, что наживка, подстава. Но ничего другого у нас нет. Олег, ты знаешь как найти Феликса?

– Знаю, – не задумываясь, ответил бывший соборовец. – Это любой мент знает. Только... Этот, которого мы допрашивали, отчасти прав был. С Феликсом так вот запросто не побазаришь.

– Я запросто и не собираюсь, – произнес в ответ я.

Встретят нас в Москве, не встретят? Интуиция мне подсказывала, что нет, что у нас еще есть фора во времени. Очень небольшая, но есть. Поэтому переговорить с «великим и ужасным» Феликсом мне необходимо в самое ближайшее время.

Переमेжая речь матерными вставками и злыми усмешками, Олег пояснил мне, как я могу найти Феликса.

* * *

Парень на входе в спорткомплекс на хамоватого бодигарда не походил. Достаточно вежлив, нормально одет, без зверского выражения лица.

– Феликс Георгиевич вас не примет, – только и произнес он.

– Завалят твоего Феликса Георгиевича, – усмехнулся я, уже вычислив, что парень бывший офицер, не отморозок какой-то.

Тот, в свою очередь, молча оценил меня. На отморозка и сумасшедшего я вроде не похож. Шутник в подобное логово не сунется. Как объяснил мне Олег, в свое время, в «лихие девяностые», Феликс Георгиевич жуткие дела проворачивал. Конкурентов валил налево и направо, брал в заложники бизнесменов, с ментами пару раз схлестнулся серьезно, но всегда выходил сухим из воды. Олег намекнул, что скорее всего Феликс имел покровителей в высших кругах МВД или ФСБ. Но главное, именно Феликс в свое время основательно зачистил Москву от «диких бригад», от тех же чеченцев, казанцев, дагестанцев, просто отморозков, приезжающих в столицу на гастроли и вершащих беспредел. Судя по всему, за это бывшему тренеру по контактному каратэ и была выдана своего рода индульгенция. Ныне Феликс был вполне цивилизованным предпринимателем, в свободное от бизнеса время упражнялся в боевом каратэ и атлетической гимнастике. У Феликса даже клички, погоняла не было, и почти все называли его по имени-отчеству.

– Сейчас, – кивнул привратник, быстро набрал номер внутреннего телефона и произнес всего несколько фраз.

После чего кивнул мне, давая понять, что я могу пройти. Что я и сделал, оказавшись в коридоре с рамкой-металлоискателем.

– Чего у тебя там звонит? – спросил следующий привратник, также похожий на отставного офицера.

Я молча вывернул карманы, дал похлопать себя по телу и конечностям. Однако после этого рамка вновь зазвонила.

– Глянь сюда! – сказал я охраннику и чуть приподнял джинсовую рубашку, оголив живот и правую реберную часть.

– Чечня? – только и спросил тот, увидев шрам, тянувшийся от ребер к низу живота.

– Именно, – кивнул я. – Железа там не сказать, что много, но есть.

– Ладно, проходи... Ты не вешешник?

– Нет, армейский.

– Проходи.

Интересное дело – откровенного бандита Феликса (пусть даже легализовавшего часть своего бизнеса) явно охраняют бывшие бойцы внутренних войск МВД. Очередной сюр...

* * *

– Здравствуйте, Феликс Георгиевич.

– Здравствуйте.

Феликс отозвался угрюмо, но без хамства, и при этом так же, как и я, на «вы». Кабинет его располагался рядом со спортивным залом, где всего четверо ребят отрабатывали удары по каратистским макиварам. Сам кабинет выглядел скромно. Пожалуй, при габаритах Феликса Георгиевича ему подходили бы апартаменты попросторней. Феликс был огромным широченым мужиком, с ладонями, напоминающими саперные лопаты. Одет он был в дорогой костюм и галстук, на одном из пальцев сиял перстень, волосы на голове уложены в аккуратную модельную прическу. Он явно любил шикарно выглядеть и, несмотря на возраст (ему уже явно за сорок пять), не имел ни лысины, ни живота. Довольно-таки симпатичный дяденька, но взгляд тяжелый, да и глаза, пожалуй, посажены слишком глубоко. А так ничего страшного...

– Феликс Георгиевич, вам, конечно, сообщили, с каким посланием я к вам пришел? – без лишних предисловий начал я.

– Сообщили, – усмехнулся Феликс.

Усмехнулся опять же беззлобно, скорее, снисходительно.

– Вам жить недолго осталось, – проговорил я и тоже усмехнулся.

– Во как! – Феликс взметнул вверх свои лопатообразные ладони и хлопнул ими, точно аплодировал мне. – Мне еще двадцать лет назад, в конце восьмидесятых, об этом чуть ли не каждый день сообщают. Ты, сморкушник, молодец, не побоялся, пришел ко мне. Я из тебя все вытрясу, будь уверен.

Что за словечко дурацкое – «сморкушник»?

– Зачем вытрясать? Я вам и так все скажу, – пожал плечами я.

Феликс хоть выдерживал нужную дистанцию, тем не менее просто-таки нависал надо мной.

– Так кто меня завалить решил? Кто храбрости накушался? – спросил Феликс, демонстрируя оригинальный русский язык.

– Многие... Например, я!

После этих слов я сделал шаг назад и правой рукой сорвал с подошвы левого ботинка закрепленную там мину (в очередной раз спасибо Комбригу!):

– Кто приблизится – братская могила всем!

Привратника-вешешника я обманул – ранение у меня имелось, а вот железа в брюхе не было. Но мину, расносящую такой вот кабинет в мелкие крошки, пронести сумел. Феликс явно не ожидал такого поворота, он дернулся было в мою сторону, но мой палец уже был на взрывателе. В кабинете тут же появилось двое охранников, но я переместился в угол, и достать

меня теперь было проблематично. В любом случае я успевал нажать взрыватель, и кабинет тут же превращался в эту самую братскую могилу.

– Какой храбрый! – неожиданно как ни в чем не бывало отозвался Феликс.

Надо отдать ему должное, он быстро пришел в себя.

– Ты что, обиделся на сморкушника? – поинтересовался Феликс с завидным хладнокровием.

– Обиделся, – кивнул я, стараясь держаться под стать Георгиевичу.

Феликс хмыкнул, кивнул своим. Те вышли из кабинета, но дверь за собой закрывать не стали, остались в коридоре.

– Храбростью своей не подавись, – проговорил Феликс, вновь обнаружив оригинальную стилистику речи. – Слушаю тебя.

– Значит, так, Феликс Георгиевич. Вопрос один – пасешь ли ты некоего Жукова, и если пасешь, то зачем?

– Жуков? Первый раз слышу.

Врет или нет, понять трудно.

– Тогда вот что. Этого самого Жукова то ли похитить, то ли убить хотят. Но хотят не шибко грамотно. Я вот этих, хотящих, выловил сегодня утром, и один из них сослался на тебя и твой ЧОП «Доблесть». Якобы был заказ, – далее я вкратце, не произнося лишнего, сообщил Феликсу об утреннем инциденте.

Тот прищурился:

– Я позвоню в ЧОП?

Я кивнул. Спустя минуту выяснилось, что феликсовская «Доблесть» никакого заказа на чье-либо сопровождение не получала.

– Верю, Феликс Георгиевич, – кивнул я. – А теперь ответь мне – кто и зачем может тебя подставлять таким образом.

– Спрячь свою дуру сперва, – ответил заметно помрачневший Феликс. – И не в ботинок, а то действительно... Братская могила.

Отчасти Феликс был прав – некий риск крепления мины к ботинку есть. Если я прыгну с высоты более двух с половиной метров, может быть произвольный взрыв. Хотя, по большому счету, миниатюрная мина взрывается лишь при нажатии снятого с предохранителя специального взрывателя. Так объяснил мне Комбриг, снабжая специальными средствами.

– А теперь говори, что за Жуков и кто ты таков? – произнес Феликс, как только я убрал мину в карман джинсовой рубашки.

– Жуков занимается какими-то научными разработками, а я начальник его охраны, – честно ответил я Феликсу.

– Мне твой Жуков, знаешь ли... На предохранитель дуру поставь, будь добр!

Все фиксирует Георгиевич. И в разговоре явный интерес появился. Только какой-то мрачный... Видать, поверил, что смерть близка как никогда.

– Я, Феликс Георгиевич, из понятливых. Жуков тебе и твоим структурам и в самом деле как собаке пятая нога. Но вот смотри что получилось – названо твое имя, я, не дожидаясь следующего утра, уже у тебя, и не один, – я кивнул подбородком на карман. – Кто-то тебя, точно пешку, мне подставил. И я хочу знать, кто.

– А состав глины ты знать не хочешь? – спросил Феликс, не повышая тона.

– Какой глины? – не понял я.

– Из которой Господь бог Адама сотворил.

Это у Феликса явно что-то вроде присказки. Как «ключ от квартиры, где деньги лежат...»

– Озадачил ты меня, товарищ любезный. Ты вообще кто таков будешь? – продолжил Феликс.

– Офицер воздушно-десантных войск. Зовут Валентином.

– Знаешь, Валька... Не верю я тебе. Ты мент или ментовский холуй. И что-то такое вы, менты, против меня затеяли. А посему пошел отсюда!

После этих слов Феликс устало сел за рабочий стол, облокотившись о его поверхность почти всей своей массивной фигурой. Опять взялся за взрывчатку? А что потом? Мне ведь не «братская могила» нужна, а временный союзник, пусть даже в виде отставного бандюгана.

– Какой из меня мент, Феликс? – спросил я. – Просто помирать по-дурному не хочется. Да и тебе смерти не желаю, ты мне не враг.

– Подстава... – только и произнес Феликс и умолк.

Затем кивнул топтавшимся в коридоре своим ребятам. Те вошли, но сближаться со мной не стали.

– Мент? – кивнув на меня, спросил у них Феликс.

– Кто ж его разберет? Сказал – десантура, похоже, так и есть. Борзый чрезмерно, – пожал плечами один из них.

– Считаю, к черту на рога влез, – кивнул второй.

– Я думал, вы своих за версту чуете, – произнес своей охране Феликс.

Вновь парадокс, отдающий сюрмом – в личке, личной охране Феликса, бывшие менты.

– Не чуем, – первый немного нервно дернул плечами. – Мент сперва все просчитает, обезопасит себя по возможности... Так запросто напролом не попрется, да еще с дурой... Тебе сказали, на предохранитель поставь.

– Немного потерпите, – отозвался я.

– Вот что, Валентин, – взял слово Феликс. – Предположим, поверю я тебе. А что дальше?

– Дальше? Есть у меня одно предложение. Для тебя и твоих людей безопасное. Но... Ты так и не сказал, кто мог таким образом тебя подставить и нас лбами столкнуть.

– Дело прошлое... – махнул ручищей Феликс. – Про «Белую стрелу» слышал?

Кто ж не слышал? В свое время чуть ли не во всех газетах про эту «стрелу» было. Передачи по телевидению показывались. Дескать, есть такая тайная организация, в которой состоят самые крутые офицеры МВД и ФСБ. Валят направо и налево бандитских авторитетов, воров в законе, коррупционеров. Впоследствии ни журналисты, ни компетентные органы так ничего и не выяснили, писать про «стрелу» перестали, вроде как и нет ее.

– Это по большей части легенда, журналистская брехня, – пояснил Феликс. – Но вот случился у меня конфликт с УБОПом. А там ребята вот вроде них, – кивнул на свою охрану Георгиевич. – И понял я, что завалят меня. Один раз еле выжил, машину изрешетили, двух охранников насмерть, я в больницу попал. И спасся потому, что сбежал из палаты через три дня. Даже туда добивать пришли. После этого у меня была «стрелка» с одним ментовским генералом. А на нее еще пара ребят из «конторы» подвалили. Ну, перетирали чуть ли не целый час. Жестко так, знаешь, получилось. Но убедили генерала. У меня с «конторой» некие дела были, я на них не работал, просто общая тема по интересам образовалась...

Выходит, точно все сказал Олег. Под прикрытием спецслужб Феликс чистил столицу от беспредельщиков-гастролеров.

– Так вот, тогда меня в покое оставили. Но один из убоповских мусорков-оперков мне пообещал, что все равно рано или поздно достанут они меня, – Феликс вновь усмехнулся.

– Где сейчас этот оперок? – спросил я.

– Пустое дело... Уже восемь лет как в могиле, но с посмертным орденом Мужества. Героически пал в Чечне.

– Слушай, Феликс... Ты извини, но ребята твои... Ну, тоже вроде из милицейских? – не удержался от вопроса я.

– Нет, Валя, они не менты. Офицеры, правда, но не из оперов. Спецназ минюста «Марс». Слышал про такой?

Еще бы не слышать! Ребятишки лютые, покруче иного ОМОНа. Основная задача – подавлять массовые беспорядки в местах лишения свободы, освобождать заложников. В Чечне «Марс» себя на должном уровне показал, у них даже один Герой России был, правда, посмертно. А потом «Марс» расформировали, так как в мирное время помимо тюремной повседневности «марсиане» охраняли какого-то бандитского авторитета. Да этого самого Феликса и охраняли! Начальство прознало – отряд в полном составе был распущен.

– После этого ребята свою группировку создать хотели. Разумеется, под именем «Марсиане», – пояснил Феликс. – Но я из них собственную службу безопасности сформировал. Все эти ЧОПы, «Доблесть» и прочие, лишь кабаки с проститутками охранять могут.

Час от часу не легче – тюремный спецназ в полном составе обеспечивает безопасность бандитского авторитета. Хотя сейчас Феликс – меценат и патриот. Просвещенный, совсем не дикий.

– Так вот, вернемся к «Доблести», – я перешел к завершающей части нашей теплой беседы. – Мне не зря этот ЧОП назван был, согласитесь, ребята? И поэтому сыграем на «живца». Поскольку мне очень интересно, кто нас с Георгиевичем свел, «живцом» буду я.

– А наша роль? – спросил один из «марсиан».

– Громко и внятно объявить в вашем доблестном ЧОПе, что к Феликсу Георгиевичу пришел некий рамзес³ из ВДВ по имени Валентин. И попросил защиты и покровительства. Валентина этого никто толком не знает, поэтому Феликс Георгиевич назначил дипломатическую встречу. В одном очень людном и популярном месте. Последнее надо сболтнуть как бы невзначай.

– Значит, так, Валя. План твой ничего, сойдет, – кивнул Феликс. – Один «живцом» будешь?

– Нет, – ответил я.

– Правильно. Ну а мы... Мы в том самом месте, где будет встреча, тоже поприсутствуем.

– В каком качестве?

– Надеюсь, в качестве зрителей. Мне ведь тоже охота знать, кто туда заявится... Вот, Герман, – Георгиевич повернулся всем телом к первому «марсианину». – Надо эту «Доблесть» периодически чистить, туда не пойми кого стали брать.

– Почистим, – отозвался «марсианин» и, повернувшись ко мне, добавил: – Ты хоть когда от нас выйдешь, дуру на предохранитель поставь!

* * *

Интересный народ эти «марсиане». Еще недавно мы вместе с ними чеченских бандюг по лесам гоняли, «марсиане» в свободное от войны время зеков в колониях и тюрьмах дубинками укрощали. А теперь сами по другую сторону баррикад оказались – у бандитского авторитета в охране. Как все перепутано, без матерного слова и не объяснишь это даже самому себе! У чеченцев во время войны свой спецназ был, не сказать, что дешевле нашего. Мы их командиров знали – с кем-то раньше вместе служили, про кого-то слышали, а кто-то и по ориентировкам из МВД проходил. Ранее ребята были в розыске за бандитизм, похищения людей, сопротивление милиции и прочее. А некоторых бойцов того «духовского спецназа» я потом в милицеской форме видел. Они просто перешли на сторону федералов после соответствующего указа и теперь стали бойцами, а то и офицерами чеченского МВД.

*Стоит в Чечне вагончик – в нем генерал живет,
Жует себе батончик, приказы отдает.*

³ Рамзес (жарг.) – офицер.

*И вот спецназ поднялся и сгинул без следа,
Кому война работа – кому война беда.
етр1*

*А там, за полем боя, другой вагон стоит,
Там генерал чеченский чеченцев костерит.
И снялись моджахеда, и нету им следа,
Кому война работа – кому война беда.
етр1*
*Потом, когда спецназы друг дружку перебьют,
Пойдут переговоры, вагончики снесут,
Под водочку разделят всю землю без труда!
Кому война работа, кому война беда.*

Песня Шухрата Хусаинова. Он сам из Орла, на Северном Кавказе по контракту служил.
Точная песня, ничего не убавить и не прибавить.
Сегодня война – вновь наша работа.

5

– Я сознательно шел на риск, но ничего другого уже не оставалось. Полдела сделано – кажется, я сумел расположить к себе Феликса. Иных союзников на сегодняшний день не предвидится, не вечно же прятаться по чердакам и подвалам.

– Как вам здесь нравится, товарищ Жуков?

– Жить можно. Найдут нас здесь нескоро, – невозмутимо откликнулся Жуков. – А вот работать сложно.

Работать Жукову и в самом деле сложно, блок автономного питания в его ноутбуке более двух часов не выдержит. Электричества на чердаке шестиэтажного дома старой, возможно, еще довоенной постройки, не имелось.

– Много кем был я в своей жизни, бомжом первый раз, – усмехнулся Саша Лемберг.

Немец, он и есть немец – всегда гладко выбрит, офицерская прическа с пробором... Однако после пары дней пребывания на чердаке любой из нас приобретет вполне бомжовый вид.

– Охраняемое лицо обязательно тащить с собой? – спросил Кирилл.

– Как сам пожелает, – кивнул я в сторону Жукова.

Он, конечно же, может отказаться от моей (точнее, теперь уже от нашей с Феликсом) затеи. Риск быть подстреленным у него есть. Но с другой стороны, Жуков нашим противникам скорее всего нужен живым. Интуиция подсказывает, да и Комбриг говорил, что первый взрыв – лишь предупреждение. Увидев Жукова в нашем окружении, его попытаются захватить, а нас по возможности завалить. Я посмотрел на часы. С момента моего разговора с Феликсом прошло достаточное количество времени, в его «доблестный» ЧОП уже должна была спуститься информация. То, что в ЧОПе имеется засланный казачок, я не сомневался.

– Я иду с вами, – отозвался Жуков.

Мудрое решение – явимся на «стрелку» с Феликсом без Жукова, нас попросту убьют, кого-нибудь из раненых возьмут в плен и очень быстро вытрясут местонахождение охраняемого лица. А без охраны субтильного парнишку Жукова взять очень просто, можно сказать, голыми руками.

– Примеряйте камуфляж, – сказал я, когда в чердачное помещение вернулись Степаныч и Олег, которым я поручил достать кое-какую маскировку.

– Это обязательно? – спросил Кирилл, наблюдая за Лембергом, первым напялившим на себя рыжий клоунский парик.

– Ты будешь рядом с Жуковым, тебе необязательно, – ответил я, примерив оранжевый цилиндр.

– Слишком ярко, командир, – заметил Саша. – С другой стороны, мы с тобой одной масти, – при этих словах Лемберг приладил себе клоунский нос.

– Где вы это взяли? – спросил Кирилл.

– Комбриг оставил денег, – хлопнул себя по карману Степаныч. – А с деньгами все достанешь!

– Не бойсь, Кир, не засветились, – усмехнулся Олег. – Костюмы взяты в театральном агентстве, все уплачено.

– Мне фрак выдадут? – спросил Жуков.

– Нет, тебя, Жуков, должны узнавать за версту.

Жуков вздохнул, но ничего не ответил. Выбор был невелик. Оставаться на чердаке, постепенно превращаясь в бомжа, или пойти на смертельный риск, но при этом получить шанс выпутаться из сковавшей нас паутины.

Надев фиолетовый фрак с ярко-синей бабочкой, я повесил на грудь огромный плакат: «Посетите наш цирк-шапито!». Под этим плакатом очень удобно было маскировать все что угодно, например, пистолет-пулемет.

* * *

Микрорайон Степино⁴ уже не один год чуть ли не каждую неделю фигурировал в столичных новостях. Причем в самом положительном виде – местный предприниматель, родившийся и выросший на московской окраине, задумал выстроить в данной местности парк развлечений по типу американского Диснейленда. На сегодняшний день там располагался обыкновенный «луна-парк», что-то вроде филиала парка Горького. Часть его была обнесена забором, за которым шло строительство Диснейленда, а на остальной территории располагались аттракционы – комната смеха, карусели с машинками, автодром, замок ужасов, призовой тир и так далее. Имелся и небольшой цирк-зверинец (а рядом с ним – небольшое, но уютное кафе). Именно в нем я и назначил «встречу» Феликсу Георгиевичу. Если наш противник получил слитую информацию, то у него не будет времени анализировать возникшие вопросы. Противник предпочтет действовать. И, скорее всего, очень жестко.

Держа наготове пистолет-пулемет и надвинув на лоб оранжевый цилиндр, я медленно двигался от «замка ужасов» до комнаты смеха. Пока ничего подозрительного – обычные отдыхающие, молодежь, подростки в основном. Есть юные парочки, а вот одиноких молодых мужчин спортивной комплекции не наблюдалось. С противоположной стороны в прикиде рыжего клоуна мне навстречу двигался Саша Лемберг. Где-то сбоку одетые клоунами трио музыкантов играли популярные мелодии на баяне, контрабасе и саксофоне. На нас с Лембергом никто не обращал внимания. Я в который раз поправил приложенный под рекламным плакатом пистолет-пулемет, чуть ускорил шаг и тут увидел двух крепких мужчин. Одним из них был охранник Феликса по имени Герман. Меня он не узнал. Осмотрев толпу, он подошел к кафе, оставил там второго охранника, сам же стал звонить кому-то по мобильному телефону. Через пять минут появился Степаныч, они обменялись с Германом быстрым рукопожатием, Степаныч огляделся, в свою очередь, тоже взялся за мобильник. Не прошло и трех минут, как в помещение кафе вошел Феликс Георгиевич в сопровождении трех своих верных «марсиан». Степаныч удалился, но тут же появился вновь, сопровождая товарища Жукова. Степаныч шел первым, за ним – охраняемое лицо, следом на небольшом удалении двигался Кирилл. Я напрягся, мои бойцы, видимо, тоже. Если Жукова попытаются захватить, то, скорее всего, не дадут ему войти в кафе. Однако ничего подозрительного пока не наблюдалось.

То, что произошло дальше, может быть по праву включено в учебник по специальным операциям. Жуков поравнялся с аттракционом «замок ужасов». Как известно, с одной стороны в этот замок въезжают самодвижущиеся кресла на две персоны, проезжают по кругу, в котором располагаются фанерные страшилища со светящимися глазами, а потом выезжают с другой стороны. Степаныч миновал аттракцион, Жуков поравнялся с дверцей, откуда должно было выехать кресло с напуганными персонами, Кирилл прикрывал тылы. И в эту самую секунду произошло то, чего я не предусмотрел.

Нас атаковали со стороны тира, находящегося напротив «замка». Двое молодых ребят, минуту назад с увлечением выбивающие призовые очки, резко повернулись в сторону Жукова и одновременно выстрелили в Степаныча и Кирилла. Стреляли из пневматики, но метко и прицельно, Степаныч получил удар пулькой в теменную часть, а Кириллу она вошла в челюсть. Я готов был открыть огонь по стрелкам, но в то же самое мгновение увидел, как из выехавшего из ворот «замка» самодвижущегося кресла выскочил мужчина в маске-ниндзя, ударил писто-

⁴ Название вымышленное.

летом по темени не успевшего что-либо сообразить Жукова и тут же, взвалив его на плечо, скрылся во входных воротах «замка», прыгнув в свое же, едущее на следующий круг кресло. Стрелять из ПП я не мог, была вероятность задеть Жукова, кресло с похитителем скрылось в воротах, а с противоположной стороны выехало другое, сразу с двумя автоматчиками. Этих я встретил огнем.

Обслуживающий аттракционы персонал и посетители с воплями и визгами рванули в разные стороны, какая-то массивная тетка неслась на меня, прямо под мою очередь. Я поднял ПП стволом вверх, тетка врезалась в меня, я с трудом устоял на ногах, но потерял оранжевый цилиндр. Одного автоматчика я уложил, второй же успел всадить очередь в Кирилла, который, несмотря на ранение в лицо, выхватил пистолет. Степаныч также пришел в себя, его лицо было залито кровью, но он перекатом ушел от следующей автоматной очереди. За спиной дяди Гриши вырос силуэт следующего автоматчика. Я отшвырнул голосащую тетку и дал по нему очередь. Ребята из тира давно отбросили бесполезную пневматику, невесть откуда достали пистолеты-пулеметы и теперь поливали свинцом кафе, в котором находился Феликс с охраной. Невысокий, одетый в голубую униформу рабочий, обслуживающий аттракционы, выхватил пистолет и ранил в плечо автоматчика, который был ближе всех ко мне и вел огонь от ворот «замка». «Браво, Олег!» – мысленно похвалил я «рабочего».

Куда-то потерялся Саша Лемберг, его, судя по всему, смела разбегающаяся толпа. Она же не дала ему возможность вовремя поддержать нас огнем. Надо отдать должное Олегу – он классно сориентировался и рванул в сторону тыловой части «замка ужасов». Именно с той стороны похититель и его сообщники должны были выволочь потерявшего сознание Жукова. Мне же не оставалось ничего иного, как двумя прыжками оказаться у ворот, сесть в самодвижущееся кресло и скрыться в «замке ужасов». Впереди слышались выстрелы, похититель или похитители вступили в перестрелку с Олегом. Я выскочил из кресла, сбил манекен красноглазой клыкастой девицы, выстрелил на вспышку глаз четырехголового змея. Далее не устоял на ногах, на чем-то поскользнулся и больно ударился лбом о здоровенный могильный крест. Господи Боже мой, спаси и сохрани! Я влетел на кладбище. Вокруг меня были огромные гробы, из которых скалились ожившие мертвецы. Впереди темень, кто и что ждет меня дальше, сказать было трудно. Между тем выстрелы прекратились. Из темноты показалась чья-то невысокая фигура. Появившийся человек сжимал в руках пистолет. Он опустил на четвереньки, подполз к «кладбищу» и затаился у креста. Меня он не замечал.

– Жуков? – окликнул его я, узнав охраняемое лицо по профилю и телосложению.

– Валентин? – вскинув тем не менее свое оружие, отозвался Жуков.

В это мгновение короткое затишье было нарушено сразу несколькими очередями.

– Где вооружился? – спросил я Жукова.

– У того, который меня... – прошептал Жуков.

– И что с ним? – уточнил я.

Жуков лишь провел ребром ладони по собственному горлу.

– Молодец, – только и произнес я.

Ну дает парень! Я думал, он только ноутбуком владеет. Где он, кстати, ноутбук? Именно это я и спросил у Жукова.

– Бог с ним, – отозвался тот. – Я его припрятал, когда сюда ехали. Найти сложно, а если найдут... Все равно без меня ничего открыть не удастся. Да там, по большому счету, не так много... Что будем делать?

Я понятия не имел, что происходило снаружи. Судя по выстрелам и очередям, бой продолжался. В чью пользу перевес, понять, сидя на этом «кладбище», было сложно. Командир из меня вышел так себе, охраняемое лицо сумели похитить, но теперь Жуков вновь рядом со мной. Комбриг дал мне приказ во что бы то ни стало сохранить ему жизнь. И не нарушить при этом «режима повышенной секретности».

– Полезай в гроб! – сказал я Жукову, оценив, что один из бутафорских гробов вполне соответствует по габаритам.

Жуков, чуть помедлив, выполнил приказ, предварительно вышвырнув из гроба мертвеца со светящимися глазами и ртом. Я, в свою очередь, отметил, что в моем ПП почти полностью кончился боезапас, а в трофейном пистолете Жукова всего два патрона. Обнаружив какой-то манекен в длинном средневековом плаще с капюшоном, я быстренько раздел его.

6

Выстрелы смолкли минуты через три после того, как я облачился в плащ, закрыв верхнюю часть лица капюшоном. А еще спустя минуту я услышал голоса со стороны входных ворот.

– Нужно уходить! Куда ты?!

– Проверьте «замок»! Потом уйдем!

Голос был властным, командирским. Я застыл в сторбленной позе. Вскоре в помещении появились три силуэта с оружием. И с фонариками.

– Пусто, одни покойники, – сильный луч армейского фонаря осветил бутафорские гробы.

Как хорошо, что я закрыл Жукова крышкой! Человек невольно реагирует на столь мощную вспышку. Луч тем временем осветил меня, но мои глаза защищал надвинутый капюшон.

– Что за...? – выругался один из проверяющих. – Пошли дальше.

Как только они покинули кладбище, я что было сил напряг слух.

– Нашего убили. Ножом по горлу, – услышал я.

«Охраняемому палец в рот не клади, видать, кое-какую подготовку получил», – опять мысленно похвалил я Жукова.

– Магистра упустили, б..., – это была последняя сказанная вслух фраза.

Простояв в средневековом плаще еще минуты четыре, я сосчитал до двадцати, а потом негромко произнес:

– Вылезайте, Магистр!

* * *

Выбравшись из замка, мы не торопились оказаться в поле зрения подъехавших милиционеров. Они деловито передвигались, держа наготове автоматы, а медработники накрывали брезентом тела погибших. Их было не слишком много, но живы ли мои ребята и Феликс, я определить не мог. Единственное, что я успел заметить, когда мы выбирались из замка – тело Олега с развороченной пулями грудью. Рядом с каруселью стоял небольшой грузовичок. Жуков понял меня без слов.

Выбив ворота, которые минуту назад закрыл милицейский старшина, мы выехали на городскую магистраль. Сейчас за нами начнется милицейская погоня.

– Здесь лес неподалеку, – заметил Жуков. – Наверное, туда, Валентин.

– Пруд там есть?

– Зачем?

– Умыться-обстираться, – пояснил я.

– Должен быть.

«Жуков хорошо знает Москву и окрестности, владеет ножом, но иногда задает лишние вопросы», – отметил я.

* * *

Мы бросили грузовик метрах в пятнадцати от спасительного леса. Милицейская (или какая-либо другая) погоня сесть нам на хвост не успела.

– Человека убивать страшно? – неожиданно спросил я Жукова, когда мы, что называется, умылись-обстирались-обогрелись.

– Не знаю, – как ни в чем не бывало пожал плечами Жуков. – Не успел, знаешь ли, понять...

Нет, из этого паренька клещами лишнего не вытянешь. На редкость спокоен, хотя полтора часа назад в серьезной переделке побывал. Может, не впервой ему? Интересно, сколько ему лет. Младше меня или чуть старше? По виду сложно определить – фигура мальчишеская, лицо мужское, умное, эмоционально непроницаемое.

– Ну что, Жуков, теперь в лесу будем сидеть? Грибами-ягодами питаться, зайцев ловить и в их шкуры одеваться? Осень на носу, а там и зима, – проговорил я.

– Нет, – покачал головой Жуков.

– А куда теперь? Или, может быть, ты предложишь харакири? – продолжил я.

– Это крайность, – без тени иронии вторично покачал головой Жуков, он же Магистр.

– Почему тебя Магистром назвали? – спросил я, чуть уклонившись от начальной темы.

– Каждый объект имеет специальное обозначение. Меня Магистром окрестили. Наверное, за склонность иметь несколько образований.

– Кто окрестил? – быстро уточнил я.

– Те, кто в нас стрелял. Спокойно, Валентин... – Жуков-Магистр примирительно поднял вверх правую ладонь, видя, что я начал выходить из себя. – Выход у нас есть. Он, правда, может быть использован лишь в самом крайнем случае... Но сейчас, кажется, именно тот случай...

Ему еще «кажется»!

– Одевайся, сейчас выйдем на шоссе, поймаем машину.

– А дальше?

– Дальше в аэропорт. Международный.

Сообщение Жукова несколько обнадеживало. В кармане у меня осталось пара тысяч, с таксистом расплатиться сумеем.

* * *

Погиб Олег. И Кирилла застрелили практически на моих глазах. Что с Лембергом и Степанычем, я не знал. Если их захватит милиция, они «режима секретности» не нарушат. Дескать, шли мимо, началась стрельба, у нас в кармане случайно оказалось по пистолету, открыли ответную пальбу. Пару недель подержат в камере, потом, скорее всего, выпустят под подписку о невыезде, дело медленным образом замнут. «Режим повышенной секретности» нарушен не будет. Спецназ играет со смертью в молчанку – слова не мои, но точно отражающие суть нашей профессии. Представим себе – двигается по маршруту спецгруппа. Все отлично подготовленные, знающие дело ребята. Все как один – офицеры. Задание знает только командир, да и это не полностью, в процессе пути получает указания по рации. Вдруг – бац! Засада! Отряд вступает в бой с превосходящими силами противника, трое остаются прикрывать, командир разбивает остальных на четыре группы, и эти четыре группы автономно пытаются выполнить полученное перед самой засадой задание. В результате погибают почти все. К «заветному мосту» выходит лишь один, весь израненный, но способный повесить на мост взрывчатку, отползти и нажать взрыватель. После взрыва и этот герой погибает. Противник находит его, полуживого, и тот либо стреляет себе в голову, либо использует ампулу с «блаженной смертью». После всего этого выходит закрытый президентский указ о награждении всех героев. А еще через некоторое время выясняется, что вся акция с «заветным мостом» – лишь отвлекающий маневр, этот мост, по большому счету, никому не нужен был, но необходимо было стянуть силы противника в определенный район. А в это время в другом месте другие офицеры проводили иную акцию. О которой знали и знают человек пять, не более. И за нее тоже ордена получили. Закрытым указом.

В жизни так бывает. В книгах редко... Хотя в годы моего детства был такой фильм «Ответный ход», как раз про разведку ВДВ. Там командование тоже посылает в тыл противника лучшую разведгруппу, чтобы дезориентировать неприятеля. Правда, в фильме все лихо

и весело, никто не погибает, и вообще это маневры были. В наше время все по-другому. Получен приказ – извольте исполнять. А уж прикрытие это или основная операция – не нашего ума дело. Справедливо ребят под пули подставлять? Но цель основной акции нам неизвестна – может, десятки тысяч жизней мирных граждан будут спасены. Не все погибнут, но никто из выживших никогда ничего не спросит. Может, «товарищ Жуков» – тоже акция прикрытия и не более того? Мы с этим Магистром отвлекаем на себя некие силы и внимание, а в это время... То, что происходит в ЭТО ВРЕМЯ, ни я, ни сам Жуков, скорее всего, никогда не узнаем. Но после ЭТОГО ход истории может измениться. Не слишком заметно на первой взгляд, а может, наоборот, резко. Причем в лучшую сторону. Если не верить в эту самую «лучшую сторону», то есть смысл пустить себе пулю в лоб прямо сейчас...

* * *

– Триста сорок четвертый, игрек восемь, – сказал Жуков мужчине в штатском, который был вызван аэропортовским милиционером по просьбе охраняемого лица.

Мужчина молча кивнул, связался с кем-то по телефону, затем проводил нас до какой-то железной двери. Таблички на ней не было, но охраняли ее парень в аэрофлотской форме и милиционер с автоматом. Мы явно попали в некую «закрытую зону». За дверью нас встретил другой штатский. Без особого радушия, очень сдержанно.

– Триста сорок четвертый, игрек восемь, – докладывает он кому-то невидимому по внутренней связи. – Двое. Нет, этого не нужно. Так точно, через десять минут.

Нас двое и нам чего-то не нужно. А что нужно? Мужчина быстро достал миниатюрный фотоаппарат и сделал снимки наших физиономий. Теперь все понятно.

Через десять минут наши фотографии оказались в доставленных загранпаспортах с чужими фамилиями. Еще нам вручили авиабилеты на ближайший рейс, а лично Жукову – два конверта, судя по всему, с денежными купюрами.

* * *

Наш самолет поднялся в воздух, вскоре бортпроводница принесла несколько маленьких бутербродов с икрой и минеральную воду. Что ж, устроились неплохо, теперь главное – долететь. А я по-прежнему ничего не понимал. Охраняемое лицо молчит.

– Раньше нельзя было? – ни с того ни с сего спросил я Жукова.

– Нельзя. Теперь, впрочем, тоже нельзя. Дежурный обязан сообщить, что по паролю выехал некто, назвавшийся кодовым числом. Несколько человек поставят в известность.

– Это плохо? – уточнил я.

– Да. Не буду скрывать, я воспользовался «коридором экстренного выезда». В международных аэропортах, портах и вокзалах такие коридоры имеются. Ты называешь пароль, тебе дают документы и билет. И никаких лишних вопросов.

Жуков говорил тихо, склонившись почти к самому моему уху. Ох, сколько же у меня имелось к нему этих самых «лишних вопросов».

– Что-нибудь еще не «будешь скрывать»? – спросил я.

– Да вроде все путем, – пожал плечами Жуков. – Приедем, отдохнем. Но бдительности терять не нужно. Даже сейчас.

Т-фу ты, мать твою! Вслух я ничего говорить не стал. Выходит, продолжаются наши, мягко говоря, «приключения». Ну что я сумел-таки узнать?

Жуков – сотрудник Службы внешней разведки. Это я теперь знаю точно. Но что это дает? Похоже, он не очень доверяет своим. Хотя... «Режим секретности» есть режим секретности.

– Мы, значит, на море прохладиться будем, а там... Москва на воздух не взлетит? – очень тихо, в тон Жукову, спросил я.

– Не взлетит.

Он произнес это негромким, но очень категоричным тоном. Вот так я и получил ответ на главный вопрос. Получается, что все дело в этом самом Жукове. В нем и только в нем. Радиус его поражающегося действия равен ракете «Трайидент», а в той, в свою очередь, несколько Хиросим. Поверить в это невозможно. Сидит рядом худенький парнишка, попивает сок из трубочки. Сюр! Бред! Но вот гибель моих ребят – не сюр и не бред. И противник у нас, надо сказать, серьезный. Я заманил его в «Луна-парк», думая, что там сложно устроить грамотную засаду, но сам попался в собственный же капкан, переоценил себя. И Жукова увели прямо из-под моего носа, хорошо, что сам он парень не промах оказался... А вот насчет бдительности Жуков не зря напомнил, явно не перестраховывается. И означает это, что я по-прежнему отвечаю за его жизнь и безопасность. Пусть в одиночку, пусть без оружия... Жуков воспользовался «коридором» но, теперь об этом станет известно узкому количеству лиц. И Жуков от этого не в восторге. Стало быть, в пункте назначения нас могут встретить... А может быть, уже сейчас «ведут»? Я встал со своего места и направился в сторону туалета, ненавязчиво изучая пассажиров салона. Народ самый разный, вычислить наших возможных «проводимых» было невозможно.

Когда я возвращался, то встретился взглядом с симпатичной дамой, которая занимала место прямо за нашими спинами. Не сказать, что юная особа, не классическая красавица, но какая-то необычная. Очень милое, располагающее к себе лицо... Или я ее где-то когда-то видел? Я остановил взгляд на ней, она на мне, нужно было срочно что-то предпринимать. И я сделал первое, что пришло мне на ум.

– Можно взять у вас автограф? – чуть нагнувшись к женщине, спросил я.

– Пожалуйста, – заметно поскучиваясь, отозвалась она и с какой-то усталой обреченностью подписала мне какую-то открытку.

– Не приставай к женщинам, – заметил Жуков, когда я вернулся на место.

Я хотел послать Жукова, но сдержался, вместо этого углубился в изучение автографа. Обычные пожелания счастья и добра, подпись неразборчива. Она известная актриса? Нет, такое лицо я бы запомнил, кино иногда смотрю. Может, спортсменка? Тоже нет, ко всему прочему она хрупенькая, не слишком спортивная. Почему я попросил у нее автограф? Первое, что пришло в голову... А почему пришло? Жуков молчит, бегло посмотрел на мой трофей, и ни слова.

* * *

– Куда теперь? – позволил я себе вопрос, когда мы сошли с трапа, прошли аэровокзальные формальности и оказались на автостоянке.

– К морю, как и было обещано, – ответил мне Жуков. – В семидесяти километрах отсюда небольшой частный курорт. – Жуков произнес вслух его название. – Нам там зарезервирована комната на двоих. Уж не взыщи, Валентин.

Как все четко! Ну что ж, будем отдыхать на море и при этом постараемся не терять бдительности. Мы прибыли в одно весьма солнечное курортное государство. Что ж, мир посмотреть никому не вредно, я в здешних краях был впервые. Между тем Жуков остановил на стоянке машину и объяснял водителю, куда нам нужно. И в это самое время у меня за спиной послышался милый женский голос.

– Простите, вы едете в..? – женщина назвала частный курорт, про который мне только что сообщил Жуков. – Может быть, возьмете меня? За мной должны были прислать машину, но... Одним словом, как всегда!

Она всплеснула своими изящными ручками. Да, да – это была незнакомка, давшая мне автограф. У нее были зеленовато-серые глаза, гладкая модельная прическа, очень подходящая ее лицу с тонкими чертами и чуть вздернутым носом. Жуков молча кивнул, одновременно и мне, и незнакомке. Не очень-то он учтив с женщинами.

– Вам, наверное, понадобится носильщик? – рядом с незнакомкой вырос здоровенный детина.

Говорил он по-русски, но с заметным прибалтийским акцентом. И тут же протянул свою ручищу к вещевой сумке женщины.

– Я же вам сказала – отстаньте и не преследуйте меня! – раздраженно отозвалась незнакомка.

После этих слов ее сумка оказалась в моих руках. Я столь резко вырвал ее из уже схвативших ручку пальцев, что гигант-эстонец заметно покачнулся.

– Машина идет в парк, носильщиков просят вернуться к трапу, – с присущей ситуации любезностью сообщил я эстонцу.

У того лишь задергались лицевые мышцы, с таким обращением он явно столкнулся впервые. Однако ничего отвечать и тем более предпринимать не стал. А мы втроем сели в машину и тронулись в указанном Жуковым направлении.

* * *

– Любите отдыхать одна? – спросил я незнакомку, не обращая внимания на угрюмого, точно воды в рот набравшего Жукова.

– Нет, у моря меня встретят друзья, у них своя яхта, я даже не буду жить в отеле, – ответила женщина.

– Очень жаль, я бы не отказался от соседства с вами, – продолжил я.

– Увы, ничем не могу помочь, – улыбнулась она.

Какая улыбка! Даже не знаю, как виденное мною описать. Вот улыбается женщина, и ты понимаешь – перед тобой божественное творение. Впрочем, все мы – творения... Видел, видел я эту улыбку, не мог не видеть!

– На яхте хоть покатайте! – несколько театрально взмолился я.

– Это зависит от моих друзей, – незнакомка продолжила обвораживать меня своей улыбкой.

– Я им завидую, – только и осталось произнести мне. – А как вас зовут?

Вопрос неожиданно смутил ее. Нет, скорее она была удивлена... А я тоже хорош, сперва просил автограф, а теперь спрашиваю, как зовут?! Она ведь явно из знаменитостей.

– Меня зовут Ирма, – ответила незнакомка.

Что за Ирма? Немецкое имя, никаких знакомых или известных дам с таким именем я не мог вспомнить, как ни силился.

– Валентин, – произнес я. – К сожалению, не святой.

– Для вас, наверное, к счастью? – поддела меня Ирма.

Разговаривая таким образом, мы довольно быстро добрались до отеля, расположенного в длинной, архитектурно вычурной двухэтажной постройке. Когда мы с охраняемым лицом вошли в номер и немного там освоились, Жуков заметил:

– Валентин, извини, но когда ты пытаешься заигрывать с женщинами, ты похож на идиота.

– Во-первых, не с женщинами, а с женщиной, – поправил Жукова я. – А во-вторых...

– А во-вторых, слушай, что я говорю, – совсем уж невежливо перебил меня Жуков. – Просто внимание к себе лишнее цепляешь. А этого нам не нужно. Ты же когда в разведрейды ходил, то не вставал в полный рост и не пел: «Я буду долго гнать велосипед»?

– Ты знаешь, иногда бывало, – сдержил я и даже насвистел мелодию данной песенки.

Жуков хотел было что-то сказать, но лишь махнул рукой. Чувствовалось, что сейчас он проявил излишнюю бдительность и сам понял это...

А вот женщин Жуков не любит, у него явно с ними связаны не самые теплые воспоминания. Лицом заметно помрачнел, одним словом, не человек – ракета «Трайидент» с несколькими Хиросимами.

– Все нормально, Магистр, – успокоил я Жукова. – Просто я должен знать, кто нас окружает... Ты, кстати, эту Ирму раньше не встречал?

Жуков в ответ лишь усмехнулся. При чем по-доброму, без нервов. Стало быть, мир восстановлен.

А номер в отеле, надо сказать, был на уровне! Я в таком впервые оказался. Если бы осталось время на отдых – совсем хорошо...

7

Ирма первой заметила меня и махнула рукой. Она была в компании трех мужчин неюношеского возраста и комплекции, а также высокой длинноногой девушки. Чужие компании меня не очень привлекали. Ну о чем говорить с красивой женщиной в присутствии ее приятелей? Лезть на рожон не в моем характере. Тем не менее, пообщаться с Ирмой мне очень хотелось. Жуков раздобыл новый ноутбук, углубился в свою работу, а я с самого утра отправился к морю. К плавкам у меня был пристегнут мобильник в водонепроницаемом футляре. Жуков в любой момент мог подать мне сигнал и вырвать меня из этого райского уголка. Между тем Ирма потеряла ко мне интерес, отнюдь не торопилась представлять своим приятелям. Ну да ладно, обойдусь без них. Сейчас искупаюсь. И даже немного позагораю, хотя никогда не был любителем жариться на солнце.

И тут на горизонте появился новый персонаж. Точнее, не слишком новый – вчерашний эстонец, который столь грубо схватил сумочку Ирмы и был поставлен мною на место. Сейчас он был в одних плавках, и я имел возможность лицезреть его огромную, состоящую из одних мышц фигуру. Эстонец явно был культуристом, мускулатура его была неестественно гипертрофированной, к тому же блестела, видимо, он натерся каким-то маслом. Эстонец двигался к Ирме и ее компании, я, в свою очередь, тоже двинулся к ним.

– Доброе утро! – произнес культурист, поравнявшись с Ирмой и оглядев ее стройную хрупкую фигуру с головы до пяток.

Ирма и ее приятели сдержанно ответили, пожалуй, лишь длинноногая девушка кивнула эстонцу чуть приветливее.

– Хотел бы пригласить вас на прогулку по морю, – произнес культурист, неотрывно глядя на Ирму, при этом демонстративно игнорируя всех остальных.

– Вам же ясно вчера сказали – носильщиков ждут у трапа, – отозвалась Ирма.

Надо же, меня уже стали цитировать!

– Я не признаю отказов, – улыбнулся культурист.

Улыбка у него получилась какая-то дебильная.

– Калью! – окликнула культуриста длинноногая девушка. – Вам не кажется, что не очень вежливо вклиниваться в чужую компанию? Вы ведь закончили Сорбонну, так ведь вчера мне отрекомендовались?

Не знаю, какую Сорбонну закончил этот Калью, но хам он редкостный, просто-таки упивающийся своей наглостью и безнаказанностью. Прибыл вчера, как и мы с Жуковым, но уже успел всех основательно достать. Мужчины из компании Ирмы молчали, впрочем, Калью к ним и не обращался.

– Извините за навязчивость, – вдруг извинился Калью, но с нехорошей усмешкой. – Я действительно всего лишь носильщик, поэтому... Унесу вас, Ирма!

С этими словами Калью подхватил Ирму своими огромными ручищами, прижал к мышцам груди и куда-то понес. Ирма выкрикнула что-то типа «Эй» и «Ой», но Калью продолжал свой путь. Один из приятелей Ирмы попытался взять его за плечо, но эстонец так этим плечом дернул, что приятель тут же отдернул руку, точно обжегся. Длинноногая девушка почти в унисон с Ирмой сказала «Ой». Куда «носильщик» собирался доставить Ирму, узнать было несуждено, так как на его пути вырос я:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.